

Юлиан СЕМЕНОВ

ИДИ И НЕ БОЙСЯ

МОСКВА

1963 г.

И Д И И Н Е Б О Й С Я

Пьеса в трех действиях

№ А-07799
от 2/X-1963 г.Пьеса отредактирована и направлена
для распространения Отделом театров
Министерства культуры СССР

Ответственный редактор Т.КАНДЕЕВА

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
драматических произведений ВУОАП
Москва, В-17. Лаврушинский пер., д. 17/19

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИКИТА	-	17 лет
ВОВКА	-	17 лет
ПЕТЬКА	-	17 лет
НИКОЛА	-	17 лет
О Л Я	-	18 лет
Л Ю С Я	-	16 лет
К А Т Я	-	19 лет
ТИМОШКИН	-	34 лет
НАЧАЛЬНИК	-	35 лет
ПРОВОДНИК САША	-	30 лет
СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА	-	46 лет

В эпизодах заняты:

МАЛЬЧИШКА	-	10 лет
М А Т Ь	-	46 лет
АБИТУРИЕНТ		
ПЕРВЫЙ ХУЛИГАН		
ВТОРОЙ ХУЛИГАН		
ТРЕТИЙ ХУЛИГАН		
МИЛИЦИОНЕР		
ВЕСЕЛЫЙ СТАРИК		
Ю Н О Ш А		
ДЕВИЦА		
БЕЗРУКИЙ МУЖЧИНА		

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Двор московского дома, построенного на Усачевке в тридцатых годах. Вокруг столика в маленьком скверике сидят четверо ребят. Это НИКИТА, НИКОЛА, ВОВКА и ПЕТЬКА. Они играют в домино. На дереве висит гитара Вовки.

НИКИТА. Я вчера в словаре Даля искал объяснение одному слову. Дуплюсь. Гитлер-с одной стороны и пусто - с другой.

НИКОЛА. С двух сторон не имеешь права.

НИКИТА. Это точно.

ПЕТЬКА. Тогда я мимо.

НИКОЛА. Слышь, Никит, а ты чего в словаре искал?

НИКИТА. Определение слову "собака".

ПЕТЬКА. Это когда "гав-гав"? Млекопитающее. С четырьмя конечностями - так, наверное.

НИКИТА. Там сказано, что собака... не так ставишь! Надо пятерку, а ты шесть лупишь.

НИКОЛА. Дырочка чернилами замазана - не видно, я спутал.

НИКИТА. Шулер ты, а не спутал. Ну так вот, у Даля про собаку сказано, что это пес.

ВОВКА. Точно подмечено.

НИКИТА. Но там потом еще пять страниц всяких добавлений.

ПЕТЬКА. Далею не надо было поступать в институт, у него было довольно много свободного времени.

ВОВКА. У меня теперь тоже есть свободное время. Мы с ним одного поля ягодки.

НИКИТА. Не смешивай понятий! Он был ученый, а ты - невежда.

ВОВКА. Давай, давай, я партию-то кончил. Вот я и на вас посмотрю, как вы поступите в институты, "невежды".

НИКОЛА. Господи боже ты мой, помоги, чтобы меня в военное училище приняли. Тогда через месяц - адью, любимый город, и здравствуй, космос!

НИКИТА. Петък, а ты что заскучал? Лезь под стол за проигрыш.

ПЕТЬКА. Пусть Никола лезет, у него пузо здоровое, худеть надо.

НИКОЛА. Это у кого пузо? Это у меня пузо? Доска, а не пресс! У нас с батькой потомственно-солдатское - фигура гренадерская.

ВОВКА. Лезь под стол, призер спартакиады физиков!

НИКИТА. Лезь, Ландау!

/ПЕТЬКА лезет под стол, вздыхая и презрительно усмехаясь./

НИКОЛА. Никит, а зачем тебе про собаку-то?

НИКИТА. Да тут в седьмой квартире снова тунейдец напился.

ВОВКА. Сашка?

НИКИТА. Он.

НИКОЛА. Ну и что? Выложил про собаку или поскромничал?

НИКИТА. Выложил.

ВОВКА. Реакция?

НИКИТА. Сдержанная.

ВОВКА. Не отлупил он тебя случаем?

НИКИТА. А мои разряды?

ВОВКА. Шашки, шахматы и пинг-понг.

НИКИТА. Ты забыл про бокс. Слышь, Вовк, а тебе еще на заводе не надоело вкалывать по семь часов?

ПЕТЬКА /вылез/. Он тебе сейчас про поэзию труда популярно объяснит.

ВОВКА. Ему и объяснять не надо про труд и про его поэзию. А ты тупой, не поймешь.

ПЕТЬКА. Я - Петр, понял?! Я все пойму.

НИКОЛА. Историческая несправедливость? Назвать этого человека Петром! Один был Петр Великий. Это я понимаю.

ПЕТЬКА. Был еще, кстати, Николай Кровавый, Никола, так что ты...

НИКОЛА. Что я?! Смотри у меня!

ПЕТЬКА. А чего ты окрысился? Думаешь, я тупой и не понимаю, как надо про труд? Чудо! Я же шучу. А Вовка злится за то, что я - свободная личность - теоретик и физик...

ВОВКА. Обрати ты, Петьк, дуралей. А я уже личность. Я сто рублей в месяц имею? Имею. Пятого и двадцать первого. Заводскую базу в Домбайской долине и две недели альпинистского сбора имею? Имею. Вечерний институт имею? Имею. В цехе тысячу друзей самых хороших и верных имею? А что имеете вы? Нервную систему - примут или не примут. Это раз. "Мам, дай рубль!" - это два. Мамаша не дает, тогда айда к старьевщику Коле старые подошвы из дома носить - это три.

ПЕТЬКА. Эх, все это суета сует. Теория физики - вот контрапункт эпохи!

НИКИТА. В оперетте услышал?

ВОВКА. Не, это, наверное, радиоспектакль "Умелые руки" для дефективных.

НИКОЛА. Один-ноль ведет "Торпедо".

ВОВКА. Нет, правда, Никитск. Толай к нам на завод. У нас ведь интересно! Народ здорово хороший...

НИКИТА. Ты ж, понимаешь... Мама...

ВОВКА. Петька - физический гений, это всем известно, а ты на что надеешься?

НИКИТА. У меня тоже лоб мыслителя, меня идеи душат.

ВОВКА. Что они у тебя, горлом идут?

ПЕТЬКА. Это у него метафора. Карамзин. "Бедная Лиза" и другие рассказы.

/Во двор входит парочка. Молодой паренек и хорошенькая девушка. Они садятся на скамейку неподалеку от ребят./

Ничего девочка.

НИКОЛА. Тонковата. Сразу видно - не спортсменка.

ПЕТЬКА. Я б с ней познакомился.

НИКОЛА. Меня возмущает этот тип. Ребята, смотрите, как он вызывающе громко смеется. Детей пугает.

ПЕТЬКА. Повод для маленькой ссоры. Никол, ты иди сделай ему замечание, а я в это время запишу телефончик девочки.

НИКИТА. А потом пригласишь ее на детский сеанс за десять копеек в восемь часов утра. А еще лучше на документальный фильм - там откидные пять копеек стоят.

ПЕТЬКА. Ну их, Никол. Айда.

НИКИТА. Бросьте вы, ребята.

/На скамейку садится высокий МУЖЧИНА в очках./

НИКОЛА. Пойдем.

/НИКОЛА и ПЕТЬКА идут к парочке./

ВОВКА. Сейчас этот парень устроит им сладкую жизнь.

НИКИТА. Третью серию. А в смысле к тебе на завод я бы с радостью, да у мамы мечта... Сама-то она в институте не училась из-за войны, ну вот и думает про меня. Мне в институт не поступить - лучше сквозь землю провалиться.

У скамейки.

НИКОЛА. Молодой человек, я представитель общественности этого двора.

ПАРЕНЬ. Очень хорошо.

ПЕТЬКА. Я тоже.

ПАРЕНЬ. Что?

ПЕТЬКА. Я тоже общественник.

НИКОЛА. Вы себя неприлично с девушкой ведете.

ДЕВУШКА. Что вы глупости говорите?

НИКОЛА. Глупости? Это уже дерзость. Придется составить протокол. Ваш адрес, пожалуйста.

ПЕТЬКА. Можно ограничиться телефоном.

ПАРЕНЬ. Идите отсюда, ребята, мы вам не мешаем.

НИКОЛА. Вы находитесь в общественном месте и слишком громко смеетесь. Дети в песочнице нервничают.

ПЕТЬКА. Обуздать хулигана - наша задача.

МУЖЧИНА. Э, общественник, а что ж ты перед девушкой стоишь руки в брюки? Сначала сам научись хорошему тону, а потом других учи.

ПЕТЬКА. А вы что, учитель танцев?

НИКОЛА. Нас поучаете, а сами руки в брюках держите.

МУЖЧИНА. Если уж ты очень любопытен... /И он достает

из карманов руки. Вместо кистей металлические протезы./

ПЕТЬКА. Я... Мы...

МУЖЧИНА. Ты, наверное, родился в сорок пятом, да?

/ПАРЕНЬ и ДЕВУШКА уходят. Следом за ними медленно уходит БЕЗРУКИЙ МУЖЧИНА. НИКИТА снимает с дерева гитару и наигрывает песенку. Долгая пауза. ПЕТЬКА и НИКОЛА возвращаются к столику./

НИКИТА. А не кажется ли вам, пацаны, что вы собаки?

Псы, иначе говоря, а?

Картина вторая

Коридор института. На стульях сидят НИКИТА и ПЕТЬКА. Рядом с ними - НИКОЛА в военной форме и ВОВКА в рабочей спецовке. Повсюду зачумленные абитуриенты. Они сосредоточенно зубрят.

НИКИТА. Ребят, кто знает, закон Фуко спрашивают? У тебя есть, Петьк?

ПЕТЬКА. Сейчас. /Задирает штанину и вытягивает из-под носка целый папирус со шпартгалками./

НИКОЛА. Тебя так засекут с ходу.

ПЕТЬКА. Говорят, экзаменатор близорукий.

ВОВКА. Вот бы у него очки спереть.

ПЕТЬКА. Вот Фуко. Читай.

НИКИТА. У тебя шпартгалка, как шпионская микропленка, -

ни черта не разберешь.

ПЕТЬКА. А ты нагнись.

НИКИТА. Ну его! Перед смертью все равно не надышишься.

НИКОЛА. Брось ты эту муку, Никита! Айда со мной в краснознаменное! Ребята - что надо...

ВОВКА. Напра, нале, ногу на пле, отставить, сам покажу!

НИКОЛА. Фантазии у тебя ни на грош.

ВОВКА. А ты что, Жюль Верн?

ПЕТЬКА. Ух, как я сейчас фантастически загремлю!

НИКИТА. Не психуй.

/Из аудитории выскакивает всклокоченный парень.

Долго стоит молча, а потом начинает скакать также молча./

ПЕТЬКА. Что спрашивают?

ПАРЕНЬ. Все!

НИКИТА. Сдал?

ПАРЕНЬ. Сдал.

ВОВКА. Рано, абитуриент, радуешься. Двойку тебе врезали.

НИКИТА. Не киксуй, приятель, это он так шутит.

ПАРЕНЬ. Ему с такими шутками в похоронном бюро работать.

ПЕТЬКА. Да хватит вам! Похороны, похороны, тут и так все внутри дрожит!

НИКОЛА. Будь солдатом, старина! Очень хорошее звание, между прочим.

НИКИТА. А он пацифист, ты что, не знаешь?

НИКОЛА. Язык у тебя без костей.

ВОВКА. Можно подумать, что у всех остальных людей язык с костями.

/Отворяется дверь, и ассистент экзаменатора вызывает Михайлова Никиту и Львова Петра./

Ни пуха ни пера!

ПЕТЬКА. Спасибо!

НИКОЛА. Все, согрелся! К черту слать надо.

ПЕТЬКА. Я не пойду.

ВОВКА. Иди и не бойся.

/Аудитория. За столом экзаменатора - БЕЗРУКИЙ МУЖЧИНА из сквера, НИКИТА и ПЕТЬКА переглядываются. ПЕТЬКА делает гримасу, стараясь изменить лицо, будто оно у него скособоченное.

БЕЗРУКИЙ внимательно смотрит на обоих вошедших./

БЕЗРУКИЙ. Берите билеты, товарищи. И сразу называйте фамилии.

ПЕТЬКА. Львов, тринадцатый.

НИКИТА. Михайлов. Номер два.

БЕЗРУКИЙ. Что с вами, товарищ Львов?

ПЕТЬКА. Дефект лица. С рождения.

БЕЗРУКИЙ. Что-то тогда у вас лицо вроде бы в порядке было.

ПЕТЬКА. Когда?

БЕЗРУКИЙ. На Усачевке.

ПЕТЬКА. Что вы, я все лето в деревне жил.

БЕЗРУКИЙ. Ладно. Записывайте сразу же дополнительный вопрос.

ПЕТЬКА. Может, потом?

БЕЗРУКИЙ. Давайте сейчас. Определить потерю кинетической энергии при неупругом центральном ударе двух шаров. Масс шаров M_1 и M_2 , их скорость V_1 и V_2 . Схему можете взять

Вот эту.

ПЕТЬКА. Покойного мы знали лично.

БЕЗРУКИЙ. Теперь вам, товарищ Михайлов. Вот, пожалуйста.

НИКИТА. Спасибо.

/НИКИТА садится за стол рядом с Петькой./

/Шепчет./ Э, мне в билете закон Фуко достался. Брось шпартгалку.

ПЕТЬКА. Он увидит, собака.

БЕЗРУКИЙ. Я могу отвернуться.

/ПЕТЬКА захлебно кашляет. БЕЗРУКИЙ, отвернувшись, смеется./

ПЕТЬКА. Можно?

БЕЗРУКИЙ. Вы готовы?

ПЕТЬКА. Тут готовься - не готовься...

БЕЗРУКИЙ. Задачу решили?

ПЕТЬКА. Ну, решил.

БЕЗРУКИЙ. Какой у вас ответ?

ПЕТЬКА. Ну, длинный.

БЕЗРУКИЙ. Говорите, говорите, я запомню.

ПЕТЬКА. Кинетическую энергию шаров после удара находим по формуле /показывает написанное/, подставив найденное выражение для V_1 , откуда дельта /показывает написанное/. Таким образом, при неупругом ударе шаров происходит уменьшение кинетической энергии. Это изменение энергии идет на работу, совершаемую при упругой деформации шаров во время ударов. В конечном счете эта работа ведет к нагреванию шаров.

БЕЗРУКИЙ. Вы что, занимаетесь, кроме школы, еще где-нибудь?

ПЕТЬКА. Дома. Иногда.

БЕЗРУКИЙ. Да нет же, я имею в виду какой-нибудь кружок или курсы...

ПЕТЬКА. Самому интересней. Ну, и еще во Дворце пионеров.

БЕЗРУКИЙ. Билет знаете?

ПЕТЬКА. Ну, знаю.

БЕЗРУКИЙ. А что такое единица электрического заряда?

ПЕТЬКА. Ну, за единицу электрического заряда принят такой заряд, при прохождении которого через...

БЕЗРУКИЙ. Сколько, сколько? Конкретно отвечайте, без литературы.

ПЕТЬКА. 1,118 миллиграмма серебра.

БЕЗРУКИЙ. Идите.

ПЕТЬКА. За что? Я ж знаю весь билет.

БЕЗРУКИЙ. Вы свободны.

ПЕТЬКА. Я ж знаю, спросите меня лучше еще что-нибудь.

БЕЗРУКИЙ. Идите, идите... Вон, лицо у вас сразу исправилось. А то - от рождения...

ПЕТЬКА. Это у меня в период нервного напряжения. Исправляется. А потом снова. Спросите еще, я ж знаю.

БЕЗРУКИЙ. Не хнычьте. Идите, я вам отлично ставлю. Задача-то институтская.

/ПЕТЬКА, потрясенный, уходит./

Ну, а у вас как, товарищ Михайлов?

НИКИТА. Думаю.

БЕЗРУКИЙ. Долго собираетесь еще думать?

НИКИТА. Может быть, мне второй билет взять?

БЕЗРУКИЙ. Не советую.

НИКИТА. У меня с Фуко заминка.

БЕЗРУКИЙ. А с задачей?

НИКИТА. Сейчас.

БЕЗРУКИЙ. Что-нибудь уже сделали?

НИКИТА. В уме.

БЕЗРУКИЙ. Ну, ну, я подожду.

НИКИТА. Мне провалиться нельзя, мать не перенесет.

БЕЗРУКИЙ. Я понимаю...

НИКИТА. А может, все-таки второй билет?

БЕЗРУКИЙ. Не надо обманывать.

НИКИТА. А я вас не обманываю.

БЕЗРУКИЙ. Себя не надо обманывать. Если вы ответите

по второму билету на пять, я вам все равно поставлю четыре. Значит, вы так или иначе не проходите по конкурсу. Это нечестно.

НИКИТА. Я всегда стараюсь все делать честно.

БЕЗРУКИЙ. Значит, всю честность вы собираетесь строить на моей бесчестности?

НИКИТА. Почему?

БЕЗРУКИЙ. Я не знаю почему, но получается-то ведь именно так.

НИКИТА. Не получится, не беспокойтесь. И только не думайте, что у вас пятерку вымаливал. Я просто вам говорил правду.

/НИКИТА поднимается из-за стола, кладет на экзаменационный стол билет и идет к двери./

БЕЗРУКИЙ. Экзаменационный листок забыли, товарищ!

НИКИТА. Зачем же себя обманывать, это же нечестно...

Картина третья

Комната Михайловых. Праздничный стол, вино, закуски. Среди гостей ВОВКА, ПЕТЬКА, КАТЯ - подруга Никиты и НИКОЛА с девицей, которая говорит басом.

МАТЬ. Петенька, а почему это из вашей группы никого не посылают в Сибирь?

ПЕТЬКА. А у нас такая, особая... Теоретическая... А Никите - в практической... Их на два года на практику посылают.

МАТЬ. Как на два?! Никиток, а ты ж говорил, что на три месяца!

НИКИТА. Это он спутал, мам. Их потом будут на два года посылать, а нас - на три месяца...

ДЕВИЦА. Мне сегодня анекдот рассказали. Один спрашивает: "Ты чего делаешь?" А он: "Я в джазе работаю при барабанщике". "А это как?" - "Да так, - говорит, - когда мне дирижер подмигивает, я шилом барабанщика колю, он кричит: "О-о-о!", а мы в это время поем "ча-ча-ча!"

МАТЬ. А за что он его колет-то?

НИКИТА. Мам, это анекдот.

НИКОЛА. Хохма, тетя Глаша.

ВОВКА. Ну, еще по маленькой?

НИКИТА. Давай. Ты выпьешь, Катя?

КАТЯ. Ты же знаешь...

НИКИТА. От этого голос не портится, оно сухое.

ВОВКА. Давай, Катя, за тетю Глашу.

МАТЬ. Господи, прямо не верится... Всю жизнь старалась,

учила, а теперь - студент, инженером будет. Мать на старости лет порадует.

НИКИТА. Да ладно, мам...

МАТЬ. Ну, не буду, не буду, Никиток.

НИКОЛА. Поставь музыку, Никит!

ДЕВИЦА. Колик, ты умеешь танцевать твист?

НИКОЛА. Умею, умею.

ДЕВИЦА. Почему ты такой грубый?

НИКОЛА. Я не грубый, я решительный.

КАТЯ. По-моему, эта девица страшная дура.

ВОВКА. Никита говорил, что она кандидат филологических наук.

НИКИТА. Это не я говорил, это Никола трепался. Чепуха!

/НИКИТА включает самодельный магнитофон. Звучит французская песенка. ДЕВИЦА и НИКОЛА танцуют. ВОВКА приглашает КАТЮ. МАТЬ уходит на кухню с большим блюдом./

ПЕТЬКА. Никита, ты меня, конечно, прости, но только зачем ты такое загнул? Все равно ведь узнается. Шила в мешке не утаишь. Узнается, точно говорю...

НИКИТА. Каким образом? Ты растреплешь?

ПЕТЬКА. Зачем же так говорить.

НИКИТА. Нет, зачем ты такое говоришь? Если бы я сделал подлость, я бы маме сказал! Ты же знаешь, что я не хуже тебя разбираюсь в этой проклятой физике! Ну, а если так получилось - чего-то недожал... Ты что, думаешь она поймет? Сразу в обморок! А у нее сердце больное. Дай сигарету.

ПЕТЬКА. У меня без фильтра.

НИКИТА. Что же, по-твоему, если раз срезался - так на-

до на всем крест ставить? Не хочу! Я еще себя покажу!

ДЕВИЦА. Мальчики. Колик танцует, как медведь. Можно пригласить вас, Никитэ?

НИКИТА. Можно.

ДЕВИЦА. Вы танцуете гамбургским па.

НИКИТА. Не знал.

ДЕВИЦА. Вы чем-то опечалены. Дайте разок затянуться. Спасибо. Сейчас печалиться просто глупо. Раз живем, так надо жить.

НИКИТА. Как?

ДЕВИЦА. Весело.

НИКИТА. А если я щекотки не боюсь, тогда что?

ДЕВИЦА. Вы мне нравитесь. В вас есть что-то от Григори Пека.

НИКИТА. Ничего удивительного. Он мой дядя.

ДЕВИЦА. Ха-ха-ха!

НИКИТА. Вы что, не знали? Только он эмигрант. По отцовской линии. Смелся, подлец!

ДЕВИЦА. Это Юл Бриннер из "Великолепной семерки" эмигрант! Помните? Такой лысый?

НИКИТА. Тоже мне заслуга - лысый? Если бы кудрявый?

ДЕВИЦА. Вы мне нравитесь все больше. Мои позывные Д 8-56-71 после пяти до шести ноль-ноль ежедневно...

НИКОЛА. Хватит, Жанна, я ревную.

КАТЯ /Вовке/. Куда собирается Никитэ?

ВОВКА. Он тебе не сказал?

КАТЯ. Нет.

ВОВКА. А почему я тебе должен говорить?

КАТЯ. Потому что ты его друг.

ВОВКА. А ты?

КАТЯ. Знакомая.

ВОВКА. Раньше это иначе называлось.

КАТЯ. Как?

ВОВКА. Раньше это называлось - любимая...

КАТЯ. Не говори глупостей.

ВОВКА. Ты его спрашивала?

КАТЯ. Захочет - сам скажет.

ВОВКА. Так соседи говорят.

КАТЯ. Знаешь что...

ВОВКА. Догадываюсь. Извини, я устал танцевать.

/КАТЯ, обидевшись, отходит к окну. К ней подходит НИКИТА./

НИКИТА. Ты что, Катюш?

КАТЯ. Ничего.

НИКИТА. Ну в чем дело?

КАТЯ. Дело в том, что твой друг стал полным хамом.

НИКИТА. Да он же шутит...

КАТЯ. Зачем ты уезжаешь?

НИКИТА. Кто будет меня кормить?

КАТЯ. Но ведь мама работает.

НИКИТА. Пора мне уже маму кормить, а не ей меня.

КАТЯ. Устройся в Москве. У нас в консерватории, кажется, нужны рабочие сцены. Хочешь я поговорю?

НИКИТА. Ты будешь петь, а я перетаскивать пианино.

КАТЯ. Рояль.

НИКИТА. Я бы мог устроиться на заводе. Здесь, в Москве. Но помнишь, все орало: "Никита молодец! Он - гордость школы!" А гордость села в лужу. Мне раз при одной девчонке

в седьмом классе в доме двадцать ребят нос набили. Так я ей год не показывался, пока не получил разряд по боксу. Вот поэтому я и уезжаю.

КАТЯ. А кто это из дома двадцать? Шарипова? Уродина. Глазищи пялит, чтобы они у нее больше казались.

НИКИТА. Но это ж давно было...

КАТЯ. Меня это абсолютно не касается.

НИКИТА. Я буду очень тосковать по тебе.

КАТЯ. Только, пожалуйста, не надо монологов из душещипательных фильмов. Твое решение сильно отдает наивным детством.

НИКИТА. Почему?

КАТЯ. Потому что совершенно незачем из-за романтических иллюзий терять Москву и ехать в глухую тайгу. Пойми: лучше как угодно - но в Москве...

НИКИТА. Так могут старухи говорить, Елочка...

КАТЯ. А поступать, как ты, могут первоклассники да и то не все.

НИКИТА. погоди, погоди... Ты шутишь? Или ты говоришь серьезно?

КАТЯ. Мне не до шуток. Зло берет, когда люди делают глупости.

НИКИТА. Значит, лететь на Полюс, плыть в Антарктиду, открывать тайгу - это все глупости? Так надо тебя понимать?

КАТЯ. И, пожалуйста, не надо демагогии.

НИКИТА. Ты зачем сюда пришла?

КАТЯ. Потому что ты пригласил.

НИКИТА. Только поэтому?

КАТЯ. Конечно.

НИКИТА. Ты врешь.

КАТЯ. И не думаю.

НИКИТА. Значит, сама бы не пришла?

КАТЯ. Зачем мне набиваться?

НИКИТА. Тогда уходи отсюда.

КАТЯ. Что?

НИКИТА. Что слышишь! Уходи!

/КАТЯ быстро уходит. К Никите подходит ВОВКА./

ВОВКА. Догнать?

НИКИТА. Не надо.

ДЕВИЦА. Колик, не обнимай меня так сильно.

НИКОЛА. Я штангист.

ДЕВИЦА. Но я не гиря.

НИКОЛА. Что?

ДЕВИЦА. Не говори ничего, молю тебя, Колик! Я сейчас

вся в танце...

/Входит МАТЬ./

НИКИТА. Мама, я должен тебе сказать правду. Мама, я провалился на экзамене.

МАТЬ. Никиточка, что ты? Да что ж это такое, Никиточка?

Картина четвертая

Вагон поезда дальнего следования. У окна сидят веселый СТАРИК и НИКИТА. Остальные пассажиры спят. СТАРИК и НИКИТА пьют чай и закусывают.

НИКИТА. И за что же я несчастливый такой?

СТАРИК. И-и, несчастливый, счастливый - это все сложнейшего полета вопросы. Верно я говорю?

НИКИТА. Верно.

СТАРИК. В том-то и дело. Человек, он полосами живет. Сначала идет несчастливая полоса - тут хоть воем вой, ничего не поделаешь. А потом счастливая полоса пойдет - там даже сам себе мешаешь, эй нет, катит себе счастье, как ракетоноситель. Верно я говорю?

НИКИТА. Вообще-то верно.

СТАРИК. То-то и оно "вообще-то"... Но тут вот меня какое размышление берет... Что есть счастье на земле? Я тебе по-капиталистическому не скажу, мол, деньги! Я тебе по-социалистическому скажу - материальная обеспеченность! Верно я говорю?

НИКИТА. Да нет...

СТАРИК. Вы теперь все знаете. Выросли многознающими... Если бы вам поменьше знать, я б об завтрашнем дне не волновался.

НИКИТА. Но ведь чем мы больше знаем, тем вам лучше должно быть. Спокойней. Радостней.

СТАРИК. Это с чего ж мне радоваться? Что ты меня продашь и купишь за семь гривен? Раньше старый человек всегда

молодого был умней и в деле боялся только того, кто еще старше. А сейчас? Все сейчас говорят: стариков - метлой, молодых пускай. А они дров наломают, молодые-то. Они кипучие. А мы осторожные, с осмотром... Семь раз меряем... Слышь, парень, а ты не жулик случаем?

НИКИТА. С чего это вы?

СТАРИК. Тельник у тебя. Урки тельник обожают.

НИКИТА. Да нет, какой я жулик...

СТАРИК. Каждый человек в жизни жулик. Он, может, и не знает, а все как есть жулик с какого-нибудь боку. Может, сейчас в соседнем купе бандюга у бабы из-под подушки сумку тащит, а ты тут сидишь и со мной тру-ля-ля разводишь. Вот и жулик ты, потому как пособник, а ведь не знаешь про себя грех.

/НИКИТА полнимается и заглядывает в соседнее купе. Там все спят./

НИКИТА. Нет там никого.

СТАРИК. Ха-ха, милый мой, там нет, а в другом поезде на другой дороге есть! А кто в ответе?

НИКИТА. Как кто? Каждый.

СТАРИК. Э... Если б у нас, как у других, человек человеку - волк, тогда другой разговор, а у нас друг другу каждый брат. Вон мы с тобой кто? Братья!

НИКИТА. Что вы злитесь, папаша?

СТАРИК. Я? Злюсь? На что? У меня пенсия - не на что. Рассуждать есть о чем. Вот ты мне брат. Да? Братишка, сыми и отдай мне свой тельник. А?

/НИКИТА снимает тельняшку, накидывает на себя пальто и отдает тельняшку Старику./

НИКИТА. Возьмите.

СТАРИК. Чего?

НИКИТА. Просили тельняшку? Держите.

СТАРИК. Заберу.

НИКИТА. А я отдаю.

СТАРИК. Не юродствуй.

НИКИТА. Держите, я правду говорю. Я себе другую куплю.

СТАРИК. А эту почему отдаешь?

НИКИТА. От, странное дело! Так просите же! Может, у вас денег нет...

СТАРИК. У меня денег больше твоего в сто раз. Понял? Ты что, агитатор какой, что ль? Иль баптист? Да надевай ты свой тельник, не нужный он мне. Вон под мышкой рваный. Тоже, братец, драный товар отдавал.

НИКИТА. Дареному коню в рот не смотрят.

СТАРИК. У коня рта нет. У коня — зубы. Ну, а ты мне скажи — ты кто?

НИКИТА. На работу еду. В Сибирь.

СТАРИК. Комсомолец-доброволец? Провалился в институте, героем хочешь стать?

НИКИТА. Да.

СТАРИК. Занятный ты мне. Тельник отдавал — поиграть хотел или себя самого пробовал?

НИКИТА. Вы же просили

СТАРИК. А я у тебя голову займы попрошу? Дашь?

НИКИТА. У вас своя есть.

СТАРИК. Тоска у меня есть и томление духа, и нет у меня ничего более, понял, сильный?

НИКИТА. Какой я вам сильный?

СТАРИК. Каждый, кто по путям едет, он от себя самого ссыльный. Люди в пути отправляются, чтоб от себя же самого сбежать. Вот и ездят по дорогам, дела себе выдумывают, встреч ищут. Братья, пташки, собаки, не верю я никому, все туды растуды и навывлет — тлен и обман!

НИКИТА. Элитесь вы. Тяжко вам своей злобой жить. Вы и добра вокруг не видите — все в себе да в себе. Жалко мне вас, дедушка, жалко.

/Поезд резко тормозит. Со второй полки на пол падают два чемодана. Они раскрываются, из них на пол сыплются лимоны и грецкие орехи. НИКИТА смеется громко и заливисто./

Значит, спекулируем, дед?

СТАРИК /лихорадочно собирает лимоны, стоя на коленях/. Это зачем же такие жестокие слова — спе-ку-ли-ру-ем? Подторговываем малость — это другое дело. Дачу отобрали, так хоть лимоны пока оставили, черт их задери с их законами совсем...

НИКИТА. Осторожней на поворотах, дед. Я за закон драться буду. Вот только станции дождемся.

СТАРИК. Сынок...

НИКИТА. Не сынок я тебе. Пасынок...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Тайга. Берег реки. Раздевшись по пояс, на песке загорает геолог ТИМОШКИН. На мелком перекате пробы грунта берет НИКИТА.

ТИМОШКИН. Ну?

НИКИТА. Нет.

ТИМОШКИН. Хорошо копал?

НИКИТА. Хорошо.

ТИМОШКИН. Ничего нет?

НИКИТА. Абсолютно.

ТИМОШКИН. Таки плохо. Ты понимаешь меня, о Михайлов? Я говорю тебе, а в твоём лице всему коллективу нашей геологоразведочной партии — таки плохо! Здесь нет алмазов!

НИКИТА. Что ж, значит, тогда я зря ищучу?

ТИМОШКИН. Во-первых, ты не ищачишь, а работаешь. Во-вторых, своей работой ты подтверждаешь мою версию. Вот они где, алмазы-то, — под небом, в серых скалах, видишь?

НИКИТА. Так зачем же тогда здесь зря время переводить?

ТИМОШКИН. Время — не часы, его не переведешь. Время движется единым, надмирным потоком, перед которым мы бессильны. Так, трепыхаемся помаленьку, как щепки на быстрине.

НИКИТА. Щепки тонут.

ТИМОШКИН. Ты что, тяготеешь к проблемам квантовой механики? Надмирность провалившегося абитуриента? Гневная воля в достижении цели?

НИКИТА. Почему тневная?

ТИМОШКИН. Любая воля рождается где-то в самом ее изначалии - гневом.

НИКИТА. Вот срунда! Воля рождается добротой.

ТИМОШКИН. Из хрестоматии шпаришь?

НИКИТА. Я чужими мыслями жить не привык.

ТИМОШКИН. Ах, вот как... Извини... извини... Только глупистике это! Ты в школе выучил алгебру, химию, историю и литературу. Так? Так. Значит, ты усвоил прекрасные мысли, о Михайлов? Понимаешь? А теперь, видимо, очень важно, чтобы эти прекрасные мысли стали твоими делами.

НИКИТА. А не удар ли это открытой перчаткой?

ТИМОШКИН. Может быть. Зато честно.

НИКИТА. Вы меня, конечно, извините, Кирилл Григорьевич, а только разве у нас честно выходит, когда я один весь день работаю, а вы весь день загораете?

ТИМОШКИН. А не удар ли это открытой перчаткой? То есть запрещенный?

НИКИТА. Нет, какая ж тут открытая перчатка.

ТИМОШКИН. Тогда я отвечу. Во-первых, я старший геолог, то есть твой начальник. Во-вторых, я старший геолог -- следовательно, я ученый. Я знаю, что здесь алмазов быть не может, что они все в скалах. И, в-третьих, я, как начальник, подчиняющийся другому начальнику, не имею права дать тебе приказ ослушаться вышестоящего начальника и слушаться непосредственного. То есть меня. Ты понял мысль?

НИКИТА. Вы прямо как на генеральной ассамблее излагаете. С кружевами.

ТИМОШКИН. А как же иначе? Иначе, о Михайлов, нельзя.

Ну, давай лопату, я покидаю.

НИКИТА. Да нет, ничего...

ТИМОШКИН. Ты думаешь, что это следствие твоих выпадов? Отнюдь. Просто мне надоело лежать. Дико человеку надоедает лежать... Стоять или сидеть я еще понимаю. Но лежать? В этом есть что-то от самого мудрого животного-змеи...

НИКИТА. Сегодня холодный ветер.

ТИМОШКИН. Уж небо осенью дышало.

НИКИТА. Короче становился день.

ТИМОШКИН. Лесов таинственная сень.

НИКИТА. Печальной грустью обнажалась.

ТИМОШКИН /в размере стиха заканчивает забытую строку/.

Та-та-та. погоди, через месяц вьюга навалится.

НИКИТА. Так прямо сразу и вьюга?

ТИМОШКИН. О Михайлов, ты же в Сибири, а не на Тверском бульваре.

НИКИТА. Кирилл Григорьевич, а почему вы никогда серьезно с людьми не говорите? Все шутки, шутки...

ТИМОШКИН. Нам, о Михайлов, шутки строить и жить помогает. Ишь, какую мы с тобой кучу накидали! Монблан! Разводи костер, сейчас обедать будем. А что касемо шуток - так шутку, по-моему, только и можно воспринимать с юмором. Вот ты только представь себе со стороны нас с тобой: два свежих дурака с мороза уже месяц руют землю в очевидно бесперспективном месте и еще плюс ко всему один из этих двух почему-то считает, что он делает нужное дело.

НИКИТА. Это вы меня имеете в виду?

ТИМОШКИН. Во всяком случае не себя.

НИКИТА. Понимаете, Кирилл Григорьевич, я ведь сюда об-

разовываться приехал... А вы меня как-то вроде не так образовываете...

ТИМОШКИН. Во-первых, я не нанимался к тебе образователем! Во-вторых, почему ты о себе говоришь в страдательном залоге? Ты не согласен со мной? Так ругайся! Хочешь другого образования? Ищи! Я, знаешь, этих вывертов не очень-то принимаю! Чего тебе не хватает? Сыт, одет, обут, при деле и еще деньги платят!

НИКИТА. Дрессированная обезьяна в цирке тоже сыта и при деле...

ТИМОШКИН. В тебе пропадает запал истинного полемиста, о Михайлов.

НИКИТА. Нет, просто, мне кажется, это плохо: знать, что делается пустое дело и молчать.

ТИМОШКИН. Да что ты знаешь, мальчик?! Я знаю, что в серых скалах алмазы, но ведь в это должны еще поверить мои товарищи. Пойми! Я не кустарь-одиночка, я не для себя живу и не для себя ищу алмазы, понимаешь? Для все-ех! Всех!

НИКИТА. Кирилл Григорьевич, вот вы по-человечески и заговорили.

ТИМОШКИН. А что, я рычал раньше?

НИКИТА. Я ведь уж немного в геологии стал понимать... Вот вы объясните мне, почему вы так уверены, что в скалах алмазы?

ТИМОШКИН. Почему?! Почему?! А, шут с тобой! Неси мой рюкзак из палатки - там карта! Там моя карта! А то "шутите", "шутите"!

Картина вторая

Просторная деревенская изба. Очень чисто вымытые полы. На стенах развешены геологические карты. За маленьким столиком у окна сидит лаборантка - девушка ЛЮСЯ, шестнадцати лет. Она учит роль для самодеятельного спектакля, тайком подсматривая в томик Шиллера. На двух маленьких плитках кипят и пенятся какие-то колбы и пробирки.

ЛЮСЯ. Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев. Нет, немало
Охотников там до моих поместий,
Они и вашей родине грозят.

/Входит НИКИТА и останавливается у двери. ЛЮСЯ не слышит./

Захватчики без совести и чести.
О друг, я жертвой быть обречена.
Чтоб мною фаворита наградить,
Средь лжи двора меня заставить жить.
Печальная мне доля суждена:
Брак ненавистный мне скует оковы,
Спасайте же любя для жизни новой!

НИКИТА. Поцелуй крупным планом.

ЛЮСЯ. Ой!

НИКИТА. Пришел тебя спасти я от австрийцев

И в замок увезти с собой, брак будет наш прекрасен.

ЛЮСЯ. Идиот.

НИКИТА. Все может быть. Где начальник?

ЛЮСЯ. Сейчас придет. Никит, а почему ты не хочешь при-

нять участие в нашей самодеятельности?

НИКИТА. У меня другие заботы.

ЛЮСЯ. Какие же у тебя заботы?

НИКИТА. Я готовлю реформу в постановке народного образования СССР.

ЛЮСЯ. Так тебе и разрешат.

НИКИТА. Ты министра высшего образования знаешь?

ЛЮСЯ. Нет.

НИКИТА. А он мой кореш. Вместе на флоте служили, поняла?

ЛЮСЯ. Врун ты, Никита, страшный!

НИКИТА. Ну вот, опять двадцать пять. Я тебе честно говорю, от души!

ЛЮСЯ. Если он твой друг, тогда почему же ты здесь коллектором работаешь, а не в Москве?

НИКИТА. Хочу узнать жизнь таежных старожилов, поняла? Специальное задание.

ЛЮСЯ. Ты думаешь, я деревенская, значит, мне врать можно?

НИКИТА. Мандат, что ль, показать?

ЛЮСЯ. Кого?

НИКИТА. Не кого, а чего?

ЛЮСЯ. Не чего, а что.

НИКИТА. Рабочий класс говорит "чего"!

ЛЮСЯ. Какой же ты рабочий класс? Сам говоришь - по заданию.

НИКИТА. Я выдвиженец. Тридцатитысячник.

ЛЮСЯ. Вот и заврелся: тридцатитысячники на целине.

НИКИТА. У тебя сейчас колбы полопаются, лаборант!

ЛЮСЯ. Ой, да помоги снять-то!

НИКИТА. Просьбы в голосе не чувствую.

ЛЮСЯ. Все москвичи такие...

/НИКИТА помогает Люсе снять с плитки раскаленные колбы. Обжигает пальцы, трясет ими над головой./

За ухо хватайся!

НИКИТА. А за нос не нада?

ЛЮСЯ. Да правда же!

НИКИТА. Чудачка ты, Люська... Слушай, ты у них уже второй год вкалываешь?

ЛЮСЯ. Ага. Как восемь классов кончила - так к ним. Они в нашей деревне третий год останавливаются на лето.

НИКИТА. А ты к Тимошкину, к Кириллу Григорьевичу как относишься? Только честно.

ЛЮСЯ. Да ну его!

НИКИТА. Почему?

ЛЮСЯ. Все люди, как люди, а он непонятный какой-то.

Ехидный.

НИКИТА. Это в нем от ума.

ЛЮСЯ. Мне нравится Валентин Иваныч, начальник.

НИКИТА. Как мужчина?

ЛЮСЯ. Это как?

НИКИТА. Салака ты еще, причем в сливочном масле. "Как", "как"? Ты это еще не влюблялась, что ль, ни в кого?

ЛЮСЯ. Дурак.

НИКИТА. Мама не замечала.

ЛЮСЯ. Дурак, дурак, дурак!

НИКИТА. Не рифмуется. А еще Шиллера читаешь. Любовь к

простому народу, ненависть к угнетателям, прозрачный язык и вечные неприятности с королем. Тьфу, черт! Чужие мысли-то - прав Тимошкин. Люсь...

ЛЮСЯ. Я не желаю с тобой разговаривать.

НИКИТА. А ты не разговаривай, ты пой. /Начинает петь./

О Люся, я скрывать не стану, безумно я хочу водички, все горло пересохло у меня! Ну? Отвечай: "Никита, сейчас налью тебе я молочка парного!"

ЛЮСЯ. Да ну тебя... /Уходит за молоком./

/Входит НАЧАЛЬНИК экспедиции Валентин Иванович./

НИКИТА. Здравствуйте, Валентин Иванович.

НАЧАЛЬНИК. Здравствуйте. Почему не на объекте?

НИКИТА. Я к вам посоветоваться пришел.

НАЧАЛЬНИК. По какому вопросу?

НИКИТА. А это что, важно?

НАЧАЛЬНИК. Конечно, важно, садитесь.

НИКИТА. Спасибо.

/Входит ЛЮСЯ со стаканом молока./

ЛЮСЯ. Держи.

НИКИТА. Спасибо.

НАЧАЛЬНИК. Подбородок утрите.

НИКИТА. Будет сделано.

НАЧАЛЬНИК. Теперь порядок. Ну, что за совет?

НИКИТА. Вот мы уже месяц с Кирилл Григорьевичем в устье копаемся, породы перебросали тонны, а ноль успеха! Так? А Кирилл Григорьевич мне карту свою показал - так ведь у него точно выведено: алмазы должны быть в Серых скалах. Вот я и хотел посоветоваться, может, вы разрешите нам с ним туда пойти, хоть бы на неделю.

НАЧАЛЬНИК. Это он вас прислал?

НИКИТА. У меня своя голова на плечах.

НАЧАЛЬНИК. А если будем до конца честными?

НИКИТА. Я стараюсь всегда быть честным. Просто мы с Кирилл Григорьевичем говорили, ну я и решил - к вам. Я ему не поверил: как это так - известно, что в скалах есть алмазы, и не идти туда.

НАЧАЛЬНИК. Это вам точно известно? Если точно, тогда я вам под расписку выдам деньги - тысячи две рублей, рацию, лошадей, людей и идите и откройте мне через неделю алмазы.

НИКИТА. Давайте. Я согласен.

НАЧАЛЬНИК. Вы еще слишком молоды, Никита, слишком молоды. Горячи. Я понимаю, задор, желание славы - причем славы быстрой, жажда преодоления трудностей... Это не путь к науке. Это не путь. Скрупулезный поиск, спокойствие и выдержка - запомните мои слова - только они, две подруги ученого, смогут привести к успеху. Слава приходит к нам между делом, если дело достойно ее...

НИКИТА. А я такую серию читал - ЖЗЛ называется, Жизнь замечательных людей, так там все больше о беспокойстве писали. Почему не попробовать, я понять не могу?

НАЧАЛЬНИК. Потому что это слишком большой риск. Потому что в Серых скалах черт ногу ломает. Потому что там люди были всего три раза: экспедиция Обручева в начале века, комсомольцы-альпинисты в 1949 году, альпинисты, повторяю я, и, наконец, группа Тимошкина, вылазка которой закончилась провалом! Я не могу слепо рисковать жизнью людей - только поэтому я не иду в скалы сам и не пускаю своих людей. Вот так. И хочу вам дать добрый совет на будущее: вы человек молодой, в

жизнь только вступаете и не наделайте глупостей с самого начала. Потом исправлять будет трудно. Вот так. Больше мы с вами дискутировать не будем, отправляйтесь на свой участок, а с Тимошкиным я сам поговорю. Все. Вы свободны.

НИКИТА. Сегодня суббота. Так что работа окончена.

НАЧАЛЬНИК /глядя на часы/. Если не считать двух часов, которые вы прогуляли.

НИКИТА. Я их отработаю в будни.

НАЧАЛЬНИК. Я прослежу за этим.

/В первую комнату входит девушка в походном костюме, с рюкзаком за плечами. Это ОЛЯ, только что приехавшая из города./

ЛЮСЯ. А вы к нам на практику?

ОЛЯ. Да. Где можно переодеться, а то я запыхалась. И помогите мне, пожалуйста, снять рюкзак, он тяжелый.

Картина третья

Маленький деревенский клуб. Одна сторона сцены представляет собой помостки, затянутые полотном. Там идет концерт. Слышна музыка. Вторая половина сцены - небольшое фойе, еще не законченное для эксплуатации, а пока что только обитое дранкой. В фойе один НИКИТА.

НИКИТА. В каждом человеке, наверное, есть главный атом, который все и определяет. А вот, поди, разберись в начальнике и Тимошкине. Про ЖЗЛ я загнул - там тоже говорилось про спокойствие. Но начальник весь прописной, а Тимошкин ничего не навязывает, шутит, не поучает. А когда ни черта не понимаешь - плохо жить, недоразвитым себя чувствуешь. Дубина дубиной...

/Входит ТИМОШКИН с НАЧАЛЬНИКОМ./

ТИМОШКИН. Слушай, у вас тут пивка можно купить? Страшно как охота выпить.

НАЧАЛЬНИК. Скажи честно, Кирилл, ты после истории с провалом экспедиции маленько пьешь?

ТИМОШКИН. Тебе статистиком родиться, а не кротом.

НАЧАЛЬНИК. Почему кротом?

ТИМОШКИН. Ну как же? Землю мы роем, как кроты...

НАЧАЛЬНИК. Я давно хотел тебе сказать...

ТИМОШКИН. Что-нибудь о вреде табака?

НАЧАЛЬНИК. Нет, о вреде казаться обиженным.

ТИМОШКИН. Ого.

НАЧАЛЬНИК. Не наигрывай, Кирилл.

ТИМОШКИН. Не чревоуещай, Валя.

НАЧАЛЬНИК. Я говорю тебе, как другу, а это значит серьезно.

ТИМОШКИН. Сядем.

НАЧАЛЬНИК. Сядем. Так вот, Кирилл, ты зря ходишь как обиженный.

ТИМОШКИН. А я и есть обиженный - это если серьезно.

НАЧАЛЬНИК. Ерунда. Если серьезно - ты наказанный. И причем справедливо.

ТИМОШКИН. Я не мог предусмотреть бурю.

НАЧАЛЬНИК. Бурю - нет. А лишнюю палатку - да. Лишний ящик консервов - да! Ты только не оправдывайся, Кирилл. Ты был начальником экспедиции. Ты обязан был предусмотреть все. Меньше болтовни о деле, больше дела. Тебе больно - да! Но ты сам виноват в том, что завалил экспедицию. Ты. И никто больше. Я не прошу тебя стучать кулаком в грудь. Я прошу тебя не шустрить, потому что тебе двадцать семь, а Никите семнадцать. Для меня ты мальчишка, а для него ты старший геолог. Человек у нас никогда не бывает один. Даже если он действительно один, все равно он не один. Вот это запомни. А теперь - хочешь руку?

ТИМОШКИН. Ты имеешь в виду кисть?

НАЧАЛЬНИК. Ничего ты не понял.

ТИМОШКИН. Понял.

НАЧАЛЬНИК. Зачем тогда ужимки?

ТИМОШКИН. Характер у меня шершавый. Хочешь, дай по шее?

НАЧАЛЬНИК. Наклоняйся.

ТИМОШКИН. Головы не жалко?

НАЧАЛЬНИК. Дурной - нет.

/ТИМОШКИН наклоняет голову, и НАЧАЛЬНИК бьет его

ладонью по шее, легонько и ласково./

ТИМОШКИН. Давай руку.

НАЧАЛЬНИК. Ты имеешь в виду кисть?

/Оба смеются./

ТИМОШКИН. Точнее говоря, запястье...

НАЧАЛЬНИК. А теперь о деле...

ТИМОШКИН. В субботу?

НАЧАЛЬНИК. В довершение ко всему выясняется, что мой старший геолог соблюдает религиозные праздники. Привет! Кто создан для кого: суббота для человека или суббота для воскресенья?

ТИМОШКИН. Я тебе отвечу как Бюро обмена: возможны варианты.

НАЧАЛЬНИК. Если ты сможешь мне доказать, что алмазы в Серых скалах есть и туда можно пойти без потерь...

ТИМОШКИН. Ты поцелуешь меня в лобик.

НАЧАЛЬНИК. Снова начал?

ТИМОШКИН. А ты будешь меня слушать?

НАЧАЛЬНИК. Имеющий уши да слышит.

ТИМОШКИН. Но мне с провалом той экспедиции не верили.

НАЧАЛЬНИК. Значит, плохо доказывал.

ТИМОШКИН. Как умел.

НАЧАЛЬНИК. Значит, плохо умел. Мне нужны абсолютные доказательства, а не приблизительные. Я ученый, а не научный фантаст.

ТИМОШКИН. Мне придется слишком много доказывать.

НАЧАЛЬНИК. Стерплю.

ТИМОШКИН. Даже, если я не смогу тебя убедить, все равно ты должен пойти в скалы. Поверь мне - там алмазы!

НАЧАЛЬНИК. У тебя на них что - нух? Или у тебя есть цифры и расчеты?

ТИМОШКИН. Пошли!

НИКИТА. Что я говорил? Дубина дубиной. Век живи, век учись, дураком помрешь...

/Они уходят. В фойе входит, осторожно оглядываясь, МАЛЬЧИШКА лет девяти. Он подходит к двери, ведущей в зрительный зал, пытается открыть ее, но оказывается, что дверь кто-то держит изнутри. В фойе входит ОЛЯ./

МАЛЬЧИШКА. Эй, цветная, проводи в зал.

ОЛЯ. Почему это я цветная?

МАЛЬЧИШКА. Брюки-то у тебя красные.

ОЛЯ. Не красные, а бордовые.

МАЛЬЧИШКА. Знаем мы ваши бордовые. Видели таких. Ну, проводи, я тебе завтра кедровых орешков принесу.

ОЛЯ /подойдя к двери/. Запертс. Наверное, номер идет.

МАЛЬЧИШКА. Там, говорят, фокусник будет змей живьем жрать. А ты чего, новенькая?

ОЛЯ. Старенькая!

МАЛЬЧИШКА. Старенькая! Старенькая - это когда внуков полна изба, успевай только люльки раскачивать. Слышь, а ты москвичка?

ОЛЯ. Нет.

МАЛЬЧИШКА. А к нам москвичей понаперло - страх! Все едут, едут. Дома им, что ль, не сидится? У нас тоже в Москве родня есть, не думай! Бабушкиной свекрови внучатный племяш. Колька. Он в детском саду работает. Источником.

/В зрительном зале аплодисменты. Слышен голос

из зала: "Товарищи, следующим номером... У нас есть просьба: курящие в рукав, покиньте зал. У артистов в горле першит!" Из зала в фойе выходят трое парней и садятся на стулья. Следом за ними выходит НИКИТА./

НИКИТА. Привет славным практикантам!

ОЛЯ. Пламенный салют трепачам.

МАЛЬЧИШКА. Проведи, цветная, обещаю ведь.

НИКИТА. Что скулишь?

МАЛЬЧИШКА. В зал хочу.

НИКИТА. А ключ от квартиры, где деньги лежат, хочешь?

МАЛЬЧИШКА. Чего?

НИКИТА. Классику надо читать с пеленок, о юноша.

МАЛЬЧИШКА. Выбражались все, глаза б мои не глядели.

НИКИТА. Пошли. /Полходит с Мальчишкой к двери, тянет ее на себя, и МАЛЬЧИШКА проскальзывает в зрительный зал. Вернувшись к Оле./ Хлеба и зрелищ.

ОЛЯ. Сейчас такая книжка вышла, "Крылатые слова" называется. Так в ней все ваши афоризмы по алфавиту напечатаны. Оттуда почерпываете?

НИКИТА. На чем деретесь? Могу предложить рапиру или ножик для фруктов. Очень удобно поражать оскорбителя.

ОЛЯ. А пилл у вас на этот случай не припасено?

НИКИТА. Вам замуж пора с таким язычком-то.

ОЛЯ. Найдите жениха.

НИКИТА. Я сам парнишка хоть куда. И вообще мир полон звуков. /Видит трех парней, вышедших из зала. Один из них с гитарой. Они курят, рвут дранку со стены и запихивают окурки в войлок./ Эй, культуртрегеры! Озверели? Пожар будет.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Заткнись.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Блюстителъ тоже мне...

ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ. Сидишь с бабой - ну и сиди.

/НИКИТА поднимается и идет к парням./

НИКИТА. Возьмите окурки из-под drankи.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Чего ты прилип, как банный лист? Хочешь, сам доставай.

НИКИТА. Я повторяю: достаньте окурки и выбросьте их в урну.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Чего с ним чикаться! Пошел отсюда! /Замахивается на Никиту./

/НИКИТА делает финт, быстро бьет, и ПАРЕНЬ куврыкается на пол. На Никиту бросается ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Он падает вслед за своим дружкой. Гитара летит на пол. ТРЕТИЙ достает из кармана финку и идет на Никиту. НИКИТА лтяится к двери. ОЛЯ поднимается со стула. Когда ПАРЕНЬ проходит ее, она берет с пола гитару и бьет ею парня по голове. ПАРЕНЬ оборачивается. НИКИТА кидается на него./

ОЛЯ. На помощь! Сюда, товарищи!

НИКИТА. Все в порядке. Зря кричала. Молодец, Ольга.

/НИКИТА скручивает Парня и бьет его. Из зала выскакивают люди. Среди остальных - ТИМОШКИН и НАЧАЛЬНИК./

ТИМОШКИН. Ты с ума сошел, Михайлов! Это же сын секретаря исполкома!

Картина четвертая

Приемная секретаря исполкома. Поздний вечер. На стульях, расставленных вдоль стены, сидят ОЛЯ, НИКИТА, ТИМОШКИН, НАЧАЛЬНИК и МАЛЬЧИШКА.

МАЛЬЧИШКА. Я свидетелем куда хошь пойду. У меня факты есть! Петька, которому ты рожу наколупал, у меня собак отравил. Серой.

НАЧАЛЬНИК. Серой?

МАЛЬЧИШКА. Ну да. Со спичек соскоблил и подмешивал. Я до Москвы дойду. У меня там родня. Племяшовой бабки внучатная свекровь Машка. В школе работает истопником.

ОЛЯ. Ты про Кольку говорил.

МАЛЬЧИШКА /шепотом/. Ты молчи. Я их всех тут Москвой пугаю.

НАЧАЛЬНИК. Как все это вышло? Ты можешь объяснить? Как ты мог затеять драку в клубе?

ОЛЯ. Не он затеял драку, а те хулиганы.

ТИМОШКИН. Так он вам и поверил.

ОЛЯ. Секретарь?

ТИМОШКИН. Нет. Отец в данном случае. Папулька...

НАЧАЛЬНИК. Твой юмор сейчас неуместен, Кирилл.

ТИМОШКИН. Разве это юмор? Вот посадят в острог нашего коллектора за хулиганство - тогда будет юмор.

НИКИТА. Кирилл Григорьевич, вы человек хороший, только зачем вы сейчас такую эхинею несете?

ТИМОШКИН. Юмор, о Михайлов, юмор прежде всего.

МАЛЬЧИШКА. А в кабинете один Петька или все потерпев-

шие?

ОЛЯ. Какие?

МАЛЬЧИШКА. Тоже мне, говорит старуха, а что такое потерпевшие не знает... Ну, этому, кому лик намылят, - тот и есть потерпевший.

НИКИТА. Все они там.

ОЛЯ. А я не понимаю, почему мы здесь сидим, как бедные родственники. Три хулигана затеяли драку, а один Михайлов, выходит, виноват? Это же бред!

ТИМОШКИН. А доказать вы это сможете, товарищ Ольга, его папе?

НИКИТА. Нож его у тебя, Оля?

ОЛЯ. Нет, я его отдала товарищу из милиции.

НАЧАЛЬНИК. Эря. Надо было вручить непосредственно папаше. Но тебя я, Михайлов, просто не понимаю. Только-только приехал и сразу затеял дебош...

НИКИТА. Если уж вы хотите точно, так не дебош, а драку. Дебош - это когда купцы пьянствуют.

МАЛЬЧИШКА. А наш дедушка купцом был. Сбруями торговал. У него борода была - до колен! Честное слово! Как у черта! Только он ее потом тоже продал, когда голодуха была, в театр, чтобы царей играть.

НАЧАЛЬНИК. Ох, сейчас разговор пойдет... Все косточки перемят...

ТИМОШКИН. Для популярности лучше, чудак. А если еще Фельетончик - наш Михайлов тогда сразу в аспирантуру может подавать. Все равно возьмут. А вообще все это ерунда. Друг другу пацаны щеки набили - из этого термоядерную войну нечего делать. Овал крепче будет.

НАЧАЛЬНИК /тихо/. Что ты порешь, сумасшедший...

/Открывается дверь кабинета. Выходит МИЛИЦИОНЕР./
МИЛИЦИОНЕР. Михайлов и свидетели войдите. А руководителей отряда прошу подождать.

/НИКИТА, ОЛЯ и МАЛЬЧИШКА уходят в кабинет./

ТИМОШКИН. Бедный парень.

НАЧАЛЬНИК. Мне кажется, он бы не начал первым.

ТИМОШКИН. А зачем тогда пилил?

НАЧАЛЬНИК. Что же мне, его по головке за это гладить?

ТИМОШКИН. За какое "это"? За то, что он дал сдачи и отлупил трех шалопаев? За это хвалить надо, а не ругать.

НАЧАЛЬНИК. Ну да... Я его буду хвалить, а его сейчас там в такую проработку возьмут.

/Кабинет секретаря исполкома. За столом - СЕКРЕТАРЬ. Он говорит по телефону: "Горнообогатительный? Хорошо. Я буду у вас сегодня попозже. Хорошо, ждите". Рядом с ним работник милиции. У окна - трое парней. В самом конце длинного стола заседаний стоят НИКИТА, ОЛЯ и МАЛЬЧИШКА./

СЕКРЕТАРЬ /кончив говорить по телефону/. Ты Минька, что ль? Сергей Савельича сын?

МАЛЬЧИШКА. Ага.

СЕКРЕТАРЬ. С чем пожаловал?

МАЛЬЧИШКА. Да ват, свидетель я...

СЕКРЕТАРЬ. Что видел?

МАЛЬЧИШКА. Я-то? А я ничего не видел. Я слышал, что люди говорят.

СЕКРЕТАРЬ. Ну и что люди говорят?

МАЛЬЧИШКА. Всякое.

СЕКРЕТАРЬ. А ну, иди за дверь, подожди.

МАЛЬЧИШКА. Если что, вы меня кликните, я разьясню, что надо.

СЕКРЕТАРЬ. Кликну.

/МАЛЬЧИШКА уходит с победоносным видом, подмигивая Оле./

Ну, что у вас там получилось?

НИКИТА. А вы их спросите.

СЕКРЕТАРЬ. Уже. Я теперь вас спрашиваю.

ОЛЯ. Вон те трое стали хулиганить. Отрывали дранку в клубе.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Зачем неправду говорите, гражданка?!

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Клевещете на честных советских людей.

СЕКРЕТАРЬ. Я же вас слушал. Помолчите пока. Так, ну, дальше.

ОЛЯ. Засовывали под дранку окурки... Михайлов попросил их выбросить окурки в урну, они стали оскорблять его, потом драку начали. Ну, он их и отлупил.

СЕКРЕТАРЬ. А гитарой кто этого по затылку гроыхнул?

НИКИТА. Я.

ОЛЯ. Неправда. Это сделала я.

СЕКРЕТАРЬ. А кто из них нож достал, покажи-ка мне.

ОЛЯ. Вон тот.

СЕКРЕТАРЬ. Да... Вы проверяли, товарищ капитан, окурки там на месте обнаружены?

МУЖЧИНА. Вообще-то да.

НИКИТА. Вы, конечно, нам можете не поверить, только это все правда.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ капитан, такие ножи, как отобрали

у сына, можно в тайге иметь или разрешение требуется?

МУЖЧИНА. Вообще-то, конечно, разрешение требуется.

СЕКРЕТАРЬ. Да... Я в армии в тридцатом году на Кавказе служил. Там тогда дашнаки и муссаветисты сильно постреливали. Ну и ночные дежурства были, как на фронте, очень ответственные!

/Звонок по телефону. СЕКРЕТАРЬ исполкома снимает трубку и говорит: "Идет совещание"./

Ну, вот... Раз я заступил - ни зги не видно. А у нас, между прочим, комполка был поляк, почти без желудка. На фронте ему все это хозяйство разворотило... Да... Ну, он ничем не питался, кроме как молоком и творогом, а для этой цели держал корову. Это тогда, ох, какая дорогая была радость - корова. Ну вот, стою в секрете, ночь, страх, холод, и слыду вдруг кто-то в кустах прямо на меня идет. Я напрягся, думаю, может, мерещится. Нет, шаги! Курок взвел и кричу: "Стой, кто идет?!" Ни ответа ни приветя. Снова шаги: "Стой, стрелять буду!" А там через кусты кто-то прямо на меня прется. "Стой! Стреляю!" А он идет! Тогда я - ббах! Кто-то в кустах - ахх и упал. А рассвело, я увидел, что корову убил, которая комполка принадлежала. "Ну, думаю, все. Конец! Сживет меня командир со свету". И точно: строит он полк... и награждает меня часами за отличное несение караульной службы. Вот они, эти часы, кстати... Держи, Михайлов. Это мой тебе подарок. Если увидишь, как они снова хулиганят - снова лупи. И ты, дочка, гитарой. Да покрепче. Дармоеды проклятые: за отцовскими спинами живут, барчуки. Ишь, клеши нацепили, стилияги. А ты молодец, Михайлов. Будем знакомы: Свиридов моя фамилия. Что надо - обращайся. И если они тебя чем оскорбили - в суд по-

давай. И точка. Топайте, ребята.

/Все поднимаются./

/Сыну./ Останься.

/Все уходят./

Снимай штаны.

СЫН. Папочка, что ты?

СЕКРЕТАРЬ. Снимай штаны, подлец! Никогда я тебя не бил, а придется. Ну!

Картина пятая

Декорация та же, что во второй картине второго действия. Сейчас на сцене ЛЮСЯ и НИКИТА.

ЛЮСЯ. О гордый рыцарь,
в бою с врагами ты победил
все злые силы!

НИКИТА. Какой я рыцарь? Так... Кустарь-одиночка без мотора. Вот Оля - это я понимаю. Рыцарь! Боксер! Гитара вдребезги, на затылке поверженного врага шишка, ура, ура, вперед! С Олькой готов в огонь и в воду! Если бы все такими были...

ЛЮСЯ. Ого!

НИКИТА. Это что - уж не ирония ли в твоём звонком голоске?

ЛЮСЯ. Угадал.

НИКИТА. Ничего ты еще не понимаешь, дитё!

ЛЮСЯ. А чего я не понимаю?

НИКИТА. Главного. Если я сказал, что в огонь и в воду - так это значит точно, поняла? Я такими словами на ветер не кидаюсь... Где начальник?

ЛЮСЯ. Он скоро придет.

НИКИТА. Куда он отправился-то?

ЛЮСЯ. На центральную базу чего-то подучать поехал.

НИКИТА. Он нам с Тимошкиным ящик консервов должен. Лошадь, может, даст, а то ящик на себе не допрешь.

ЛЮСЯ. А ты Олю попроси, она тебе с радостью поможет.

НИКИТА. А я и не сомневаюсь...

ЛЮСЯ. Вот если бы я тебя не знала, Никит, честное слово я бы решила, что ты фразер и хвостун.

НИКИТА. Ты меня знаешь? Я сам себя не знаю. И ты себя, кстати, не знаешь. Разве ты себя знаешь, мать?

ЛЮСЯ. Какая я тебе мать?

НИКИТА. Это дружеское обращение, темнота наша...

ЛЮСЯ. Темнота... Обзывается еще...

НИКИТА. Не слышала ты, как обзываются по-настоящему.

Хочешь обзову?

ЛЮСЯ! Не надо! Не надо!

НИКИТА. То-то.

ЛЮСЯ. Вот ты говоришь - я себя не знаю...

НИКИТА. Конечно.

ЛЮСЯ. Знаю.

НИКИТА. А что ты знаешь?

ЛЮСЯ. Все.

НИКИТА. Все - значит ничего. Ты мне конкретно растолкуй.

ЛЮСЯ. Ну... Я хочу поступить в институт, отлично учиться, стать хорошим специалистом, нужным родине... Вот...

НИКИТА. Ты это точно знаешь?

ЛЮСЯ. Абсолютно.

НИКИТА. А я, значит, не хочу? А Олька не хочет? Надо поменьше говорить, что хочешь быть нужным родине, а побольше ей полезным быть, поняла?

ЛЮСЯ. Что ж, по-твоему, нельзя говорить того, что думаешь?

НИКИТА. Надо. Обязательно надо говорить то, что думаешь. Но ты сейчас опять высокие слова сказала: "Хочу быть нужным родине". Это святое для нас. Такие слова или сердцем кричать надо, или молчать про них. Все время повторять нельзя, за это жизнь надо отдавать, если потребуется. А если такие святые слова без толку и ни к месту говорить - так вроде как с мамашей все время при людях целоваться. У меня один приятель был, так он все время: "Мамусенька, мамусенька, дай я тебя побусенькаю..."

ЛЮСЯ. Что ж, маму поцеловать теперь нельзя?

НИКИТА. Да не, можно... Только он мамусеньку бусенькал, а потом у нее шубу спер.

/Входит ОЛЯ. Она в противомоскитной маске./

ОЛЯ. Здравствуй, Никит!

НИКИТА. Салют, барбудос!

ОЛЯ. Никит, выручи.

НИКИТА. Тебя? Выручить? С удовольствием.

ОЛЯ. Напиши заметку в стенгазету.

НИКИТА. Оду хочешь?

ЛЮСЯ. Дикая воображала.

НИКИТА. О, не пронзай мое ты сердце, не надо этих слов, молю тебя, Брунгильда! Я их не в силах пережить спокойно. И благородное чело юного виконта де ля Михайлова омрачилось глубокой печалью от незаслуженного оскорбления графуни Брунгильды.

ОЛЯ. Ноздри его затрепетали, высокий лоб избороздили глубокие морщины страданий, он подошел к изящному ореховому секретеру и начал писать статью для стенгазеты.

НИКИТА. Сухарь моченый.

ОЛЯ. Что?

НИКИТА. Ничего. Проверка слуха.

ОЛЯ. Ты уходишь сегодня?

НИКИТА. А чего здесь делать? Скукотища.

ОЛЯ. Сегодня фильм.

НИКИТА. Какой? "Любовь в полумраке" или "Нежность утром"?

ЛЮСЯ. Нет. Интересней. "Осторожно, бабушка!"

НИКИТА. Не тебя спрашиваю, матушка. Занимайся своим делом и не слушай разговоры взрослых. А ты что, Оля, пойдешь смотреть "бабушку"?

ОЛЯ. Почему нет?

НИКИТА. Тема мелковата. Если бы "Осторожно, внучка", я б остался.

ОЛЯ. Кстати, у тебя грязная рубашка, внучек. Снимай, я ее постираю.

НИКИТА. А ночью мне возвращаться в тайгу в вытяжном компрессе?

ОЛЯ. Я тебе дам джемпер.

НИКИТА. С птичками? Меня Тимошкин со страху утопит.

ОЛЯ. Там не птицы, там кошки.

НИКИТА. Это меняет дело. Очень мужественно: едет здоровый долдон на лошади и с кисками. Мяу.

ОЛЯ. Никит...

НИКИТА. Что?

ОЛЯ. Ничего...

НИКИТА. Убедительно.

ОЛЯ. Напиши статью.

НИКИТА. Ладно. Садись. Я продиктую.

ОЛЯ. Сам не можешь?

НИКИТА. Ну, давай как в кино. Ты - моя секретарша, а я шеф.

ОЛЯ. Диктуй, шеф.

НИКИТА /громко/. "Перестраховщики - вот те люди, которые трусливо мешают всем нам в нашем деле." Нет. Вставь - "в нашем большом общем деле!" "Они на каждом шагу кричат о своем опыте, а на самом деле за этими громкими фразами прячут страх за свое тепленькое место. Им, перестраховщикам, легче, чем смелым, ищущим, а потому - громким и дерзким людям. Перестраховщики ничего не предлагают - они только выполняют предписанное. А что и как выполняют - их это не касается".

ОЛЯ. А к чему ты все это? Речь же должна идти о нашей поисковой партии.

НИКИТА. Ничего, ничего, ты пиши. Это передовица. Так... Дальше...

/НИКИТА не видит вошедшего Начальника./

Так... "Подобным перестраховщикам и трусам нельзя доверять воспитание молодежи, потому что они подрывают крылья инициативе, как охотник соколу".

НАЧАЛЬНИК. Сокол, как догадываюсь, это вы?

НИКИТА. А почему вы думаете, что я пишу о нас? Что, есть какое-нибудь сходство?

НАЧАЛЬНИК. Смысл передовицы, товарищ Михайлов, заключается в том, чтобы она была обращена против конкретного носителя зла и чтобы она была доказательна. Иначе это бумажка, а не передовица. Можно взять и написать: "Некоторые развязные молодые люди, устраивающие дебоши в общественных местах, выступающие с необоснованной клеветнической критикой, являются тем балластом среди нашей молодежи, от которого нам надо освободиться и чем скорее - тем лучше..."

НИКИТА. Что, мне подать заявление об уходе?

НАЧАЛЬНИК. А вы увидели что-нибудь похожее в моей отвлеченной передовице? А?

НИКИТА. Да нет, просто так, в порядке справки...

НАЧАЛЬНИК. Надо всегда все называть своими именами, товарищ Михайлов. Это трудно и подчас неприятно, но тем не менее, тем не менее... Кстати, вы знаете, что такое перестраховщик?

НИКИТА. Знаю.

НАЧАЛЬНИК. Объясните, пожалуйста.

НИКИТА. Ну, это как бы сказать... Ну... словом, перестраховщик.

НАЧАЛЬНИК. Убедительно. А теперь я вам объясню. Перестраховщик - это человек, который шумит много и без толку, опасаясь, как бы кто со стороны не так чего подумал. Вдруг кто-нибудь решит, что Михайлов недостаточно героично выглядит, а? Как тут быть? Тут надо сказать: "А я что? Я ничего! Это начальник во всем виноват, он не пускает..."

НИКИТА. Но...

НАЧАЛЬНИК. Погоди, еще не все, друг мой... Взвесить, обдумать, даже если вокруг кричат и торопят, не спеша и обстоятельно - вот это посложнее, чем - трах, бум! - принял головотяпское решение, а там авось кривая выездет. Обдумайте свой ответ, а я сейчас вернусь...

/НАЧАЛЬНИК уходит и быстро возвращается./

Да, кстати, Оля, хотите прогуляться под луной в тайге?

ОЛЯ. С кем?

НАЧАЛЬНИК. Со мной и уж, конечно, с товарищем Михайловым.

ОЛЯ. Очень хочу.

НАЧАЛЬНИК. Даже очень?

ОЛЯ. Да, даже очень.

НАЧАЛЬНИК. Ну что ж, собирайтесь, сейчас мы поедem к Тимошкину. Только сначала навьючьте лошадей. Три вьюка - они довольно тяжелые.

НИКИТА. А что в них?

НАЧАЛЬНИК. Монпасье в коробочках.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Декорация первой картины второго действия. Ночь. На берегу реки горят два костра. Около большого костра - ТИМОШКИН и НАЧАЛЬНИК. Чуть поодаль, возле маленького костра, - НИКИТА и ОЛЯ.

ТИМОШКИН. Врешь ты все, Валя.

НАЧАЛЬНИК. Ты, конечно же, хочешь, чтобы я оказался рутинером, бюрократом и перестраховщиком! Очковтирателем, верхоглядом, а во время войны, в довершение ко всему, - спрятавшимся в тылу?

ТИМОШКИН. А я морально устойчив, хороший парень. Передовик и все такое прочее. В быту непоколебим.

НАЧАЛЬНИК. Перестань! Я из города!

ТИМОШКИН. Ладно. Завтра пойду в поселок, позвоню в управление, скажу, что работаю у тебя, и спрошу, правда ли, что мне разрешили пойти в Серые скалы?

НАЧАЛЬНИК. Валяй.

ТИМОШКИН. Энтузиазма особого не чувствую.

НАЧАЛЬНИК. Почему?

ТИМОШКИН. Потому что ты относишься к разряду тех людей, которые не научились врать. Это великое искусство - убедительно врать. Знаешь, смотреть в глаза человеку и вдохновенно врать. А мы с тобой врать не умеем. И поэтому ты прячешься за педантизм, а я - за юмор.

НАЧАЛЬНИК. Час от часу не легче... Ко всему прочему

ты еще и психолог...

ТИМОШКИН. Ну вот, начались упреки и подозрения...

У костра Оля и Никита.

НИКИТА. В стенгазете пишут - будь внимателен к каждому человеку. Умей отличить в нем плохое от хорошего. Это как "перед едой вымой руки". Попробуй, отличи. Советовать я сам могу: не сморкайся в скатерть и, уходя из уборной, гаси свет.

ОЛЯ. Никит, почему ты хочешь казаться хуже, чем есть?

НИКИТА. А почему все тетеньки должны обязательно кого-нибудь перевоспитывать и делать замечания?

ОЛЯ. Кто тебя перевоспитывает? Я сама невоспитанная.

НИКИТА. Ты мне нравишься, старуха. Люблю самокритику. В тебе вообще есть изюминка.

ОЛЯ. Спасибо за комплимент.

У большого костра

НАЧАЛЬНИК. Давай вернемся к нашим баранам. Не до подраскинуть, как лучше подступить к делу.

ТИМОШКИН. Валя, хороший ты мой товарищ, спасибо тебе. Но разве я могу подставлять твою голову под удар?!

НАЧАЛЬНИК. Тогда я тебя не понимаю. Сам ругал меня: почему мы не идем в скалы. Ты говорил: мы обязаны пойти туда. Ну так вот: нам разрешила экспедиция Москва.

ТИМОШКИН. Но ты понимаешь, что идти в Серые скалы - это подвиг! Это же смертельная опасность!

НАЧАЛЬНИК. Нет, не понимаю. Я же старый перестраховщик. И вообще хватит. Неси карту! Кстати, вулканологи лезут в кратер, подвергаясь смертельной опасности, но они разумны в своем риске и их риск оправдан. Может быть, мы живем иной жизнью, а? У нас теперь все предусмотрено - никаких случайностей быть не должно. Но один шанс риска, как у космонавта или вулканолога, остается. Ты что, против?

ТИМОШКИН. погоди, погоди... Это правда? И ты действительно пойдешь туда?

НАЧАЛЬНИК. Почему только я? И Михайлев. И Оля. И ты... Кстати, мне нравится этот паренек, из него выйдет толк, поверь мне!

У костра Оля и Никита.

НИКИТА /уминая ужин с огромным аппетитом/. Повеситься, что ль?

ОЛЯ. Лучший способ насолить начальнику. Начнут его тягать по инстанциям, жалованье понизят, выговор влепят.

НИКИТА. Нет, я серьезно.

ОЛЯ. Вешайся. Хочешь, ремень дам? У меня сыромятный, выдержит твоё дряхлое тело - неудачника и сангвиника.

НИКИТА. Ты права, я всегда был неудачник на собеседниц.

ОЛЯ. Ты меня хочешь обязательно обидеть?

НИКИТА. С ума сошла. И потом знакомых не обижают. Обижают только родных, самых близких. Слушай, а если я действительно по собственному желанию умру, начальника снимут?

ОЛЯ. Обязательно. Но ты все-таки лучше живи. И по возможности старайся не быть собакой. Хороший лозунг, между про-

чим.

У большого костра

ТИМОШКИН /показывает на карте/. Здесь здорово опасно. Трудный подъем. Если одолеем - под скалой ночлег и детский визг на лужайке от холода. Потом третий, последний подъем, самый страшный, и здесь, если взойдем, около ледника надо копать дня четыре. Вот и все! Разобьемся на две группы - ты с Олей, я - с Михайловым.

НАЧАЛЬНИК. Нет. Мы с тобой, а он с Олей.

ТИМОШКИН. С ума сошел.

НАЧАЛЬНИК. Пока еще креплюсь. Они ведь будут в сфере нашей видимости.

ТИМОШКИН. Ну?

НАЧАЛЬНИК. Вот и хорошо.

ТИМОШКИН. Там всюду опасно.

НАЧАЛЬНИК. Надо приучаться к самостоятельности.

ТИМОШКИН. Кто бы спорил.

У костра Оля и Никита.

ОЛЯ. За что ты его не любишь?

НИКИТА. А ты всегда знаешь, за что человека любишь?

ОЛЯ. Во всяком случае стараюсь знать.

НИКИТА. Интересно, а как ты ко мне относишься?

ОЛЯ. Тебе правду говорить?

НИКИТА. Валий правду.

ОЛЯ. Тебе это важно?

НИКИТА. Прежде всего, старуха, мне важно выполнить промфинплан.

ОЛЯ. Ясно. Хочешь дам тебе совет?

НИКИТА. О да!

ОЛЯ. Да нет, пожалуй, не стоит.

НИКИТА. Брось ты, Оляка. Чего надулась?

ОЛЯ. Я?! О Михайлов, ты славный парень, только страдаешь болезненным самомнением.

У другого костра.

ТИМОШКИН. Ура! Найдена мощная трубка алмазов! Ура!

НАЧАЛЬНИК. Не хвались, едучи на рать.

ТИМОШКИН. Тебя понял. Продолжить?

НАЧАЛЬНИК. Мысль, по-моему, определенная и так...

/Из темноты выходит рослый молодой парень. Это проводник САША./

САША. Здоров, товарищ начальник.

НАЧАЛЬНИК. Привет, если не шутишь. Подсаживайся.

ТИМОШКИН. А это что за явление?

НАЧАЛЬНИК. Наш будущий проводник. Саша.

ТИМОШКИН. Сядись, богатырь.

САША. Присядем.

НАЧАЛЬНИК. Опоздал ты малость.

САША. Племяша в армию провожал.

ТИМОШКИН. То-то от тебя сивухой за версту несет.

САША. Это не от меня, это от сивухи.

ТИМОШКИН. А что-то я тебя не знаю, Саша... Ты и раньше проводником был?

САША. Не, мы раньше по торговой части.

НАЧАЛЬНИК. А тропы хорошо знаешь?

САША. Да так, разбираемся. Но во мне не это ценное. Во мне две лошади ценные. Силищи - как в тракторе. Десять рублей в день я беру за двоих. И мне - пятерку. Харч ваш, палатка спальная. Отдельная мне нужна, сон у меня беспокойный.

НАЧАЛЬНИК. Ну и дерешь ты, приятель.

ТИМОШКИН. Да ладно, я из своих уплачу.

НАЧАЛЬНИК. А Серые скалы знаешь?

САША. А чего, туда надо идти?

ТИМОШКИН. Туда.

САША. Двадцать рублей за кобыл, а мне десятку. Иначе дураков ищите. Мне мой организм дороже.

/К большому костру подходят ОЛЯ и НИКИТА./

ТИМОШКИН. Откуда мы такие деньги возьмем, душа торговая?

САША. И-и, вам на науку-то отпускают. Занесете в сметку, что двое у вас проводников было - спишут. По смете у нас все спишут.

ТИМОШКИН. Сколько отсидел?

САША. Три года. А вы почему знаете?

ТИМОШКИН. Да я ж милиционер, чудак.

/САША быстро поднимается./

НАЧАЛЬНИК. Да сядь, сядь, он шутит.

ТИМОШКИН. Ты в своем уме такую сумму просить? Что мы, Рокфеллеры?

САША. Я ничего у вас, почтенный, не прошу. Я свои выдвигаю условия. А не желаете, так я к вам не напрашивался. Это меня они вон пригласили. А в Серые скалы добровольно ни-

кто не пойдет.

ТИМОШКИН /кивает на Олю и Никиту/. А вот они?

САША. Они у вас служат, им положено...

НИКИТА. Не служат, а работают. А она вообще практикантка. Кирилл Григорьевич, а чего это он про Серые скалы говорит? Кто туда пойдет?

НАЧАЛЬНИК. Вы. Мы.

НИКИТА. Добились, Кирилл Григорьевич?!

ТИМОШКИН. Он добился.

НИКИТА. Вы-ы-ы?

САША. Ну так что, заключим договорчик-то?

НАЧАЛЬНИК. Нет у нас таких денег. На круг пятьдесят рублей. Согласен?

САША. Теперь дураки только в кино остались, в жизни повывелись. Пока до свидания.

ТИМОШКИН. Да погоди...

НИКИТА. Что вы с ним цацкаетесь, Кирилл Григорьевич? Не хочет - пусть катится. Сами дойдем.

НАЧАЛЬНИК. А груз кто понесет?

ОЛЯ. Наша лошадь.

ТИМОШКИН. Нам нужны три, а не одна.

НИКИТА. На себе унесем.

НАЧАЛЬНИК. По пятьдесят килограммов? Тоже мне, Юрий Власов!

НИКИТА. Мы точно пойдём в скалы?

ТИМОШКИН. О Михайлов, дней на семь я кончаю шутить. Пока будем в скалах и пока будем собираться, чтобы идти к ним.

НИКИТА. У нас будут три лошади.

ТИМОШКИН. Это из серии тысячи и одной ночи?

НИКИТА. Я к секретарю исполкома пойду, он приглашал, если что надо будет...

НАЧАЛЬНИК. Ну, вот что... отойди-ка к тому костру, Саша. Нам между собой надо поговорить...

САША. Это мы можем.

НАЧАЛЬНИК. Так вот, ни к кому идти не надо. К сожалению, хорошие проводники сейчас разошлись по тайге, я узнавал. Время не терпит. Придется брать этого типа.

НИКИТА. Противно.

НАЧАЛЬНИК. Можно подумать, что я ликую...

ОЛЯ. Вот у меня есть двадцать пять рублей. Я их вношу для этого мордастого дармоеда.

НИКИТА. Принцесса, а не выйти ли вам за меня замуж?

НАЧАЛЬНИК. По коням!

САША. Это вы кобыл поимели в виду? Так за ними еще идти надо в населенный пункт. И, обратно, договорчик мы еще не подмахнули...

НАЧАЛЬНИК. Не в церкви, не обманут, отрок. Часть оборудования мы берем с собой, а ты все остальные вьюки доставишь к Лысой скале, понял?

САША. Понял. Только я сначала домой схожу. Опохмелюсь и позавтракаю. И за вами.

/САША уходит. Все участники экспедиции надевают снаряжение, выстраиваются в цепочку и уходят в скалы. Появляется ЛЮСЯ./

ЛЮСЯ. Ушли. Даже не попрощался никто. Эх, Валентин Иванович, Валентин Иванович. Поймешь ли ты души моей порывы в сиянье звезд трагично-голубых? Почему же все так странно вы-

ходит? Говоришь человеку в день пятьсот слов, а одного, главного, пятьсот первого так и не скажешь никогда. Простое слово, из двух слогов состоит всего-навсего... Салаха в масле... А я, может, по горам лучше всех лезаю.

Картина третья

Чуть брезжит утро. Маленькая площадка в скалах. Вдали палатка, где-то совсем рядом шумит горный поток. Низкие облака проплывают прямо над палаткой. НИКИТА и ОЛЯ разводят костер.

НИКИТА. Ты тоже не можешь спать?

ОЛЯ. Ага.

НИКИТА. Волнуешься, да?

ОЛЯ. Ага. А ты?

НИКИТА. Ну, еще чего? Я спокоен, как гранит.

ОЛЯ. А зубами чего лязгаешь?

НИКИТА. От утренней свежести. И потом не лязгаю, а скриплю. Все знаменитые путешественники обязательно должны скрипеть зубами. А мордастый где?

ОЛЯ. Спит.

НИКИТА. Организм бержет.

ОЛЯ. Ты слышишь, как храпит Тимошкин?

НИКИТА. Твоя наивность меня убивает. Он не спит и не

спал. Это он так с нами воспитательную работу ведет - мол, не бойтесь, вон как я спокойно храплю. Начальник, тот действительно спит.

ОЛЯ. Сухарь моченый...

НИКИТА. Все-таки женщины действительно сделаны из нашего ребра. Что ты глупости порешь?

ОЛЯ. Глупости? Мне кажется, я повторяю тебя.

НИКИТА. Не помню, не помню.

ОЛЯ. А, ну тогда извини. Просто ты меня учил, что надо обязательно знать, за что стоит человека любить или ненавидеть.

НИКИТА. Ох, до чего ты въедливый человек, Олька.

ОЛЯ. Клади сюда консервы. Осторожней укрепляй. Осторожней, Никиток...

НИКИТА. Меня так мамаша называла.

ОЛЯ. А больше так тебя никто не называл?

НИКИТА. Не-е.

ОЛЯ. Имена бывают большие и маленькие. Алеша - это маленькое имя, а Никита - большое, доброе...

НИКИТА. Какой это Алеша?

ОЛЯ. Никакой. Просто к примеру.

НИКИТА. А я думал, ты имеешь в виду Алешу Поповича. Был такой карлик у Ильи Муромца.

/Из палатки выходит ТИМОШКИН./

ТИМОШКИН /зевая/. Как спали, орлы?

НИКИТА. Как убитые.

ТИМОШКИН. Я не храпел?

ОЛЯ. Как паровоз заливались.

ТИМОШКИН. А вы что плохо спали?

ОЛЯ. Почему?

ТИМОШКИН. Ну, если мои рулады слышали?

ОЛЯ. Нет, я тоже спала, как убитая.

ТИМОШКИН. Врете вы все, чертенята.

/Светает все больше и больше. Из палатки выходит НАЧАЛЬНИК, раздетый по пояс, и начинает делать зарядку. После обтирается холодной водой. Выносит к костру батарейный приемник. Ловит Москву. Далекий голос Лезитана: "На этом мы заканчиваем передачи по московскому радио. Спокойной ночи, товарищи..."/

НАЧАЛЬНИК. Как с едой?

ОЛЯ. Готова. Только что-то не хочется.

НАЧАЛЬНИК. Разговорчики. Начинаем завтрак.

ТИМОШКИН. Молитва будет?

НАЧАЛЬНИК. Ложкой буду по лбу бить тех, кто не ест.

Нам надо торопиться, я по коленям чувствую — начнется ливень. Вон небо-то низкое какое.

ТИМОШКИН. Типун тебе на язык.

НИКИТА. Кирилл Григорьевич, а мы успеем подняться?

ТИМОШКИН. О Михайлов, а не нытик ли ты?

НАЧАЛЬНИК. И маловср к тому же?

ОЛЯ. Он за всех беспокоится...

ТИМОШКИН. За всех беспокоится Госстрах на земле и кто-то там на небе. Спасибо за завтрак.

НАЧАЛЬНИК. Ты ни черта не съел.

ТИМОШКИН. Папочка, я объелся. Перед дорогой особенно набивать брюхо не стоит. Оленька, извините за прямоту.

ОЛЯ. Ах, ах, я ужасно шокирована.

ТИМОШКИН. Ну вот, ребята, если мы эту стену одадем - значит у цели. Первый пойду я, да, Валентин Иванович? Потом ребята, а замыкающим - ты.

НАЧАЛЬНИК. Первый пойду я, потом ребята, а замыкающий ты.

ТИМОШКИН. В таком случае жребий. Давай спички.

ОЛЯ. А что, если подошвы сильно скользят, Валентин Иванович?

НАЧАЛЬНИК. Если сильно - нос разобьете. А ну, садитесь. Давайте-ка ваши ботинки. /Начинает расшнуровывать Олины ботинки./

ОЛЯ. Что вы, Валентин Иванович...

ТИМОШКИН. Не возражайте ему, Оленька. Это не человек - гранит.

НАЧАЛЬНИК. Тут все дело в интонации... Можно сказать: это не гранит... Так себе - человек...

/Все смеются./

НИКИТА. Испытываю острое желание стать гранитом.

НАЧАЛЬНИК. Человеком все-таки лучше. Оленька, а у вас ноги как ледышки. Так нельзя, голубчик. Давайте-ка возьмем другие ботинки, замотаем ногу хорошей портянкой. /Достает из рюкзака свою портянку, обматывает Оле ноги./

ТИМОШКИН. А где наш Дерсу Узала?

НИКИТА. Дрыхнет.

ОЛЯ. И сладкие сны напоевая, колышется легкая грусть.

НИКИТА. Разбудить?

НАЧАЛЬНИК. Не надо. Главное - все оборудование там, а без него даже спокойней. Сам доберется, когда дрема покинет его. /Перестает обматывать портянки./ Вот теперь-то вам и хо-

под не страшен и скользнуть по камням не будете. Так?

ОЛЯ. Ой, спасибо вам, Валентин Иванович...

НАЧАЛЬНИК. Кирилл, бикфордов шнур и взрывчатка там?

ТИМОШКИН. Да.

ТИМОШКИН

/ОЛЯ, НИКИТА и НАЧАЛЬНИК надевают вещевые мешки
и уходят в горы. Просыпается САША./

САША. Томление у меня. Не иначе, как грипп вошел. В костях ломота.

/САША уходит./

Картина третья

Первым на площадку, образованную в скалах неподалеку от ледника, поднимается ТИМОШКИН. Он вытягивает ОЛЮ, потом НИКИТУ, потом НАЧАЛЬНИКА.

НИКИТА. Ну, красотища тут!

ОЛЯ. Здесь так высоко, что лучше летать, чем ходить.

НИКИТА. Зачем я не сокол, зачем не летаю?

ТИМОШКИН. Рожденный ползать-летать не может. А ползаете вы, ребята, как выяснилось, хорошо... Значит, и летать сумеете. Такой подъем... Молодцы. Ну что, начинаем?

НАЧАЛЬНИК. Знаешь меня что мучает? Ну, ладно, найдем мы здесь алмазную трубку. А как наладить ее промышленную разработку?

ТИМОШКИН. Что вы, Валентин Иванович, с нашей-то техни-

кой? Вертолеты сюда целый поселок навезут, если мы докажем здесь трубку.

НАЧАЛЬНИК. Верно. С вертслетом здесь можно жить.

/Начинается работа: кайлами дробят скальный грунт для того, чтобы потом в грунт заложить взрывные шашки. Работают люди споро, очень слаженно и с вдохновением./

НИКИТА. У нас готово, Кирилл Григорьевич!

ТИМОШКИН. Сейчас и мы заканчиваем, Оленька, а ну, подождем. Эти два мужика пытаются обойти нас во времени! Мы их добьем качеством!

/Закладывают в шурфы взрывные шашки, все, кроме Тимошкина, прячутся за выступ скалы. Он один стоит с Бикфордовым шнуром и быстрыми затяжками курит сигарету./

НАЧАЛЬНИК. Ну, что ты там?

ТИМОШКИН. Сейчас.

/От сигареты поджигает бикфордов шнур. Стоит, курит./

НАЧАЛЬНИК. Кирилл, не сходи с ума.

ТИМОШКИН. Боюсь, что уже. Спекся. Хочешь посмеюсь? Нервическим смехом? /Не торопясь, идет за выступ./

НАЧАЛЬНИК. Закурим?

ТИМОШКИН. Я не курю.

НАЧАЛЬНИК. В кино в такие моменты положительные герои обязательно начинают курить. Или же седеют.

НИКИТА. Можно мне закурить, Кирилл Григорьевич?

ТИМОШКИН. Знаешь, что такое конфигурация из трех пальцев?

ОЛЯ. И потом ты еще не положительный герой. Ты еще только перевоспитываешься.

НИКИТА. И ты, Брут!

/Звучит взрыв. ТИМОШКИН бросается к шурфам. Опускается на колени, лихорадочно просматривает породу. Плечи его опускаются. Так он сидит недвижно. Подходят НАЧАЛЬНИК, НИКИТА, ОЛЯ./

НАЧАЛЬНИК. Спокойно, Кирилл, спокойно. Один шанс из ста и он не наш. Осталось девяносто девять.

ТИМОШКИН. Мне казалось, что здесь должно быть сразу же и без проигрыша.

НАЧАЛЬНИК. Сразу без проигрыша не бывает. Пойдем дальше.

ТИМОШКИН. Пойдем дальше.

НИКИТА. Ринемся дальше.

НАЧАЛЬНИК. Нет уж, пожалуйста, не надо. Спокойно надо, без суеты.

ТИМОШКИН. Валентин Иванович, все-таки разделимся мы не так, как говорили, Ты с Михайловым, а я с Олей.

НАЧАЛЬНИК. Пожалуй, что...

ТИМОШКИН. Каждый переход через ледник на ту сторону - это уже маленький подвиг, А нам предстоит это сделать раз восемь, не меньше.

НАЧАЛЬНИК. Боюсь, что больше.

ТИМОШКИН. Оля, вы со мной, Никита с Валентином Ивановичем. Когда будем переходить через ледник, страховаться самым внимательным образом - иначе можно заскользить вниз, не удержит даже страхующий - побьемся в пропасти, вон там. Можно не смотреть, дно довольно далеко. Ну, как, Валя? Пошли?

НАЧАЛЬНИК. Пошли.

НИКИТА. А если тут вообще нет, Валентин Иванович?

НАЧАЛЬНИК. С такими мыслями нельзя начинать. С такой мыслью можно только проваливать, товарищ Михайлов.

НИКИТА. Вообще-то верно.

ОЛЯ. Я загадала, сейчас все сбудется.

ТИМОШКИН. А вы на что загадываете?

ОЛЯ. У меня своя система разработана.

ТИМОШКИН. Секретная?

ОЛЯ. Не очень. По принципу "любит", "не любит".

ТИМОШКИН. Я думаю - любит.

ОЛЯ. А я думаю - нет.

ТИМОШКИН. Ну, спасибо за гаданье!

ОЛЯ. Да я не о том...

ТИМОШКИН. Я понимаю, девочка... Эй, на баке, вы готовы?

НИКИТА. Готовы!

ТИМОШКИН. У меня, Оля, сейчас мелькнула любопытная мысль. Видите, как Никите лихо размахивает лопатой? Любо-да-рого посмотреть. Но что самое забавное: истинные строители на земле - маленькие дети-дошкольники. Они ведь даже гуляют и то обязательно с лопаткой. Снег копают, дома из снега строят, потом из кубиков дворцы строят, потом конструктор - пожарные машины мастерят. Этот период надобно продлить до зрелости! Призвание рождается только в труде, остальное пустое актерствование или самообман. Земля должна быть ограничена трудом людей, как драгоценный камень.

ОЛЯ. Я никогда не думала, что вы можете говорить так серьезно.

ТИМОШКИН. Это у меня чисто нервно. /И снова закладывает взрывчатку, и снова от сигареты Тимошкин запалывает шнур./

/Медленно идет занавес с тем, чтобы через минуту открыться. Взрывы. Появляется САША./

НИКИТА. Смотрите, наш бодрячок пробудился.

САША. Кишечник у меня размяк. Не иначе - к язве. Эх, господи, и что я такой хилый по земле хожу?

ОЛЯ. Сейчас снова к себе в палатку спать полезет:

/САША лезет к себе в палатку спать./

ТИМОШКИН. Кому спать, а кому вкалывать! Начали!

/Ночь. Около палатки костер. Возле костра НИКИТА и ОЛЯ, закутанные в одеяла./

НИКИТА. Я в Москве очень любил жизнь замечательных людей читать. Хорошая серия, только в жизни не всегда так. Там сначала детство излагают, потом - голодную юность, без голодной юности ни один замечательный человек вроде бы не вырос, а потом - раз! Подумал маленько и нате вам, - изобрел или сделал! Чуть полная. А как же Титов без голодной юности? Или Гагарин, или, обратно, я?

ОЛЯ. Никит, а почему ты так много писем получаешь?

НИКИТА. Прогрессивное человечество помнит меня.

ОЛЯ. Мужская его половина или женская?

НИКИТА. Я ж тебе признавался: женщины - моя слабость.

ОЛЯ. Дон-Жуан.

НИКИТА. Дон-Жуан - ребенок по сравнению со мной. Дитя природы. Переживал чего-то... Не, а я серьезно к выводу пришел, что вашему брату верить нельзя.

ОЛЯ. Дурешка.

НИКИТА. Попрошу без снисходительности.

ОЛЯ. Снисходительно, это если дурзочок. А дурашка — это ласково.

НИКИТА. А почему это ты решила меня ласково называть?

ОЛЯ. Да потому что я люблю тебя.

НИКИТА. Картина вторая: он же, закованный в кандалы...
/После долгой паузы./ Оленька, а такими словами шутить нельзя.

ОЛЯ. А я и не шучу...

Начальник и Тимошкин.

ТИМОШКИН. Втравил я тебя в авантюру, Валя... Ты, верно, теперь и сам не рад.

НАЧАЛЬНИК. Ты сейчас говоришь неприлично, если только считаешь меня своим другом. Разве можно хоть на секунду сомневаться в том, чему веришь?

ТИМОШКИН. Нельзя, но...

НАЧАЛЬНИК. Молчи! Мне совестно слушать тебя. И когда мы здесь победим, постарайся не сразу забыть про эту свою трещину. Люди часто забывают после удачи то, чем они жили в горести и в поиске. А это плохо.

ТИМОШКИН. А почему ты сразу сердисься?

НАЧАЛЬНИК. Я прощаю все, кроме неверия в дело и в себя.

ТИМОШКИН. Ну вот, сейчас снова начнешь говорить о подвиге, о доблести, о славе. Войны-то нет!

НАЧАЛЬНИК. Нет, война есть. Только не человека с человеком, а человека с природой. И в этой войне не должно быть ни убитых, ни пропавших без вести. Ясно, товарищ млад-

ший лейтенант запаса?

ТИМОШКИН. Так точно, товарищ гвардии майор.

НАЧАЛЬНИК. Ну то-то, чертята.

ТИМОШКИН. Сам больно хороший...

/НАЧАЛЬНИК и ТИМОШКИН укладываются в свои спальные мешки./

Оля и Никита.

НИКИТА. Смешное дело: в Москве под Новый год никак елок достать нельзя. По телевизидению все время нейлоновые рекламируют. Они не осыпаются и не мнутся, они и служат исправно десять лет, никаких тебе забот на ближайшее десятилетие, только успевай в чулан прятать и доставать потом. Вся разница с настоящей, что та из лосу и колется. Тайгой насквозь пахнет, дорогой, грустью. А купить ее трудно, разве что у вокзала, поздней ночью или рано утром, когда еще темно, и окна по одному в домах загораются, и рабочие только-только на завод идут... Ее толком-то и не видно, покупать надо быстро, а то другие возьмут, вот и волнуешься потом, пока домой не принесешь - какая она, елочка? Оль, а Оль... Ты это... Не обижайся...

ОЛЯ. За что же мне обижаться на тебя, Никиток?

НИКИТА. Да так...

Тимошкин и Начальник.

ТИМОШКИН. У каждого человека есть мечта. Не конкретная, а отвлеченная, далекая. У тебя есть?

НАЧАЛЬНИК. Отвлеченной нет.

ТИМОШКИН. Зря. У меня есть.

НАЧАЛЬНИК. Что за мечта?

ТИМОШКИН. Понимаешь, ужасно мне хочется, чтобы какой-нибудь мой друг жил у моря. Но не на курорте, а в маленькой и белой деревеньке. Мезанки, луна ночью, как фонарь, и сети на песке. И еще лодки. И вот друг пусть бы взял у кого-нибудь из рыбаков старую и ненужную лодку и начал бы ее готовить к весне. Он бы конопатил ее дымной паклей и проваривал черным и клейким варом. И вся лодка стала бы пропитанной дымным запахом. А потом, когда уйдет холод, лодка по скользким и жарким каткам съедет в море. И будет только солнце и море. И тогда пусть мой друг пойдет на почту и пошлет мне письмо. В письме пусть напишет: "Старина, у нас есть лодка. Хочешь, будем все лето плавать на лодке и ловить рыбу, и спать у костров на маленьких песчаных островах, и по утрам брать парное молоко у рыбацек и загорать, надвинув на глаза драную соломенную шляпу?" И я бы ничего ему не ответил, я бы взял отпуск и уехал к нему на море.

НАЧАЛЬНИК. Я бы тоже.

ТИМОШКИН. Вот видишь... А говорил - нет мечты. У каждого человека есть мечта: одна - главная, а одна, как лодка и как море, - отвлеченная...

Оля и Никита.

НИКИТА. Я, конечно, маленько болван. Как-то я про это говорить не умею.

ОЛЯ. Про что?

НИКИТА. Ну, про это...

ОЛЯ. Ты, как гадалка, говоришь намеками.

НИКИТА. Да про любовь я говорю...

ОЛЯ. А ты много слышал, как про нее говорят?

НИКИТА. Много.

ОЛЯ. Где?

НИКИТА. В кино.

ОЛЯ. А как там говорят?

НИКИТА. Плохо.

ОЛЯ. Так это и не о любви вовсе. Это так, болтовня...

НИКИТА. Значит, и болтать можно?

ОЛЯ. Конечно.

НИКИТА. Пробовала?

ОЛЯ. Да.

НИКИТА. Это с тем, у кого маленькое имя?

ОЛЯ. Да.

НИКИТА. Привет тебе.

ОЛЯ. Ты злишься?

НИКИТА. Нет, ликую.

ОЛЯ. Так ведь "он же, закованный в кандалы"...

НИКИТА. Можно мне поцеловать тебя в область щеки?

ОЛЯ. Ни за что.

/НИКИТА целует Олю./

Табуретка и вилка.

НИКИТА /в ужасе/. Оль, что ты, Оль! Ну я не буду больше, Оленька!

ОЛЯ. Дурашка. Это у меня есть такое правило: если тебе очень хорошо и тянет сказать распренные слова, надо взять и сделать наоборот и сказать самое что ни на есть простое. Вилка и табуретка. /Уходит./

НИКИТА. Табуретка и вилка! К черту табуретку с вилкой! Люблю! Горы, я люблю, слышите?! Я очень люблю, звезды!

/Из своей палатки тихо выходит проводник САША в белых подштанниках и рубашке. Идет, как лунатик, к палатке, где лежит тол и оборудование. Выходит оттуда с мешком, набитым толлом. Крадет-ся к себе./

Э, лунатик, как сон? Тревожный?

/САША замер./

Это я тебе говорю...

САША. А, мальчик...

НИКИТА. Нет, девочке,

САША. Ты дерзи, но только тихо, а то друзей побудишь.

НИКИТА. Что спер?

САША. Намекаешь?

НИКИТА. Намекаю.

САША. Шею сверну, гнида!

НИКИТА. Попробуй.

САША. Это я погорячился. Нервы у меня больные. Я к тебе от сердца отношусь. Ты только шум не подымай - тебе десятка отвалится.

НИКИТА. Сколько?

САША. Двадцатка, говорю, отвалится.

НИКИТА. Не понял.

САША. Ну, четвертной, четвертной, двадцать пять бабок.

НИКИТА. А я думал тридцать.

САША. Толк из тебя выйдет, только, думаю я, шутишь ты, а дело в корень вопроса не ставишь. Мне ведь без толла житья нет, с него рыбой весь базар завалю. И если б, к примеру,

взрывчатка твоя была - тогда одно, а так она чья? Государственная. Стало быть, наша, то есть ничья. Усёк?

НИКИТА. Усёк, усёк. Ты не слыхал, что такое ЖЗЛ?

САША. Жезл? У царей палка, что ль?

НИКИТА. Сам ты палка. Сейчас покажу. /Подходит к Саше, ставит его в профиль./ Это у йогов есть такое упражнение. Голову выше подыми. А теперь смотри! /Бьет Сашу по скуле./ Вот что такое ЖЗЛ, негодяй мордестый! Вот как замечательные люди бьют морды негодьям и ворам!

/САША лезет на Никиту с ножом. НИКИТА ловко хватает Сашу за руку, тот роняет нож./

САША /отступая/. Мне мой организм дороже.

НИКИТА. Тогда слушай меня внимательно... Сейчас же ва-ли отсюда вниз и жди нас там. И если вздумаешь шутки шутить... Ну! /Делает быстрый шаг к Саше. Тот в страхе падает./ Кальсоны не потеряй, грабитель!

/Взрывы идут один за другим. Открывается занавес. Это уже раннее утро. Из-за скалы вбегают ТИМОШКИН. Опускается на колени. Быстро перебирает руками породу. Поднимается./

ТИМОШКИН. Как говорят французы - рьен!

НИКИТА. Это как?

ТИМОШКИН. А вот так - ничего...

ОЛЯ. Вот так да...

НАЧАЛЬНИК /бьет молотком по породе/. Кстати, кимберлитовые породы с прожилчатými явлениями, как утверждает профессор Одинцов, крайне часто радуют нас неожиданностями.

ТИМОШКИН. Ты с ума сошел! Это же - алмазы!

НАЧАЛЬНИК. Ты не представляешь себе, как ты прав...

НИКИТА. Ура!

НАЧАЛЬНИК. Кирюха! Черт! Молодец!

ОЛЯ. Ой, сколько...

НИКИТА. Месторождение имени Тимощкина и Тихонова! Пик имени Ольги и скала имени товарища Михайлова.

НАЧАЛЬНИК. Кирилл, что с тобой?

ТИМОШКИН /плачет от радости/. Просто солнце... в глазах...

НАЧАЛЬНИК. Солнце?

ТИМОШКИН. Солнце...

НАЧАЛЬНИК. Это хорошо, что солнце.

ТИМОШКИН. Товарищи, кто хочет посмотреть мою трещину?

НИКИТА. Валентин Иванович, что с ним?

НАЧАЛЬНИК. Сложный вопрос. Бить по шее?

ТИМОШКИН. Бей, вандал. Только шея мне дорога, как часть биографии.

НАЧАЛЬНИК /бьет/. Пойду посмотрю место для посадки будущих вертолетов и заводно еще раз алмазную трубку проверю.
/Уходит./

ТИМОШКИН. Оленька, ну как, любит?

ОЛЯ. Не-а...

НИКИТА. Значит, теперь все?

ТИМОШКИН. Почти что...

НИКИТА. И взрывать больше не будем?

ТИМОШКИН. Сегодня нет.

ОЛЯ. Смотрите, как красиво...

НИКИТА. Что это?

ТИМОШКИН. Не ту сторону! Быстро! Быстро! Быстро же, черт возьми.

/ОЛЯ и ТИМОШКИН начинают переползать через скалы. Чуть выше них ползет НИКИТА. Слышен нарастающий гул обвала. ТИМОШКИН скользит в образовавшуюся пропасть. Он не может остановиться. Веревка, которая связывает его с Олей, напрягается и тащит Олю за Тимошкиным. ОЛЯ пытается ухватиться за что-нибудь, но не может и медленно скользит следом за Тимошкиным в пропасть./

Пусти веревку!

ОЛЯ. Держитесь!

ТИМОШКИН. Пусти веревку! Зачем погибать двоим?! Слышишь меня, Оля?!

ОЛЯ. Держитесь же!

НИКИТА. Оленька, держись! Оленька, держись, держись, я люблю тебя, Олька! Сейчас мы ползем к вам, держись, Оля!

ТИМОШКИН. Скажи ей, чтобы она пустила веревку! Зачем погибать двоим! Никита, скажи ей!

НИКИТА. Держись! Держись! Говорю тебе! Кирилл Григорьевич, держитесь, мы сейчас переберемся!

/ТИМОШКИН видит, как ОЛЯ скользит следом за ним, потому что он тянет ее с собой своей массой, он видит, что НАЧАЛЬНИК и НИКИТА все равно не успеют. Тогда он достает нож и начинает резать веревку, которая связывает его с Олей./

ОЛЯ /Тимошкину/. Что вы делаете! Не надо же! Никита!

Никита!

ТИМОШКИН. Прощайте, друзья!

/ К Тимошкину в самый последний миг подползает НИКИТА, и они вдвоем, пытаясь зацепиться за

скалу, сползают в бездонную пропасть. Грохот
обвала./

Картина пятая

Ревет буран. Грохочет гром, изредка небо режут зеленые молнии. По радио звучит далекий голос Начальника: "Москва, Центральный Комитет партии. Геологической экспедицией открыто в Серых скалах крупнейшее в стране месторождение алмазов. Повторяю: сегодня открыто богатейшее в стране месторождение алмазов в Серых скалах... Экспедиция продолжает свою работу. Начальник экспедиции Тихонов, старший геолог Тимошкин, коллекторы Михайлов и Севастьянова.

Декорация первой картины первого действия. Появляются НИКОЛА в военной форме, ВОВКА и ПЕТЬКА. После всех появляется НИКИТА.

НИКОЛА /выходит на просцениум/. Когда я первый раз ощутил состояние невесомости - вот только тогда почувствовал собственный вес.

ПЕТЬКА /подходит к нему/. Если я начинаю дома говорить о физике, у дедушки случаются перемежающиеся судороги. А я не могу говорить ни о чем другом, кроме как о физике! Считают - поэзия, поэзия! Это, конечно, прекрасно - поэзия! Но разве не поэтична задача определить траекторию ракеты, в которой я пошлю на Марс Николу?

ВОВКА. Успокойся, Пифагор. Поэтична. Все зависит от того, какой я твою ракету построю, Никиток, а что с собой надо брать в горы?

НИКИТА. В горы? Ты имеешь в виду свой Домбай?

ВОВКА. Да.

НИКИТА. Возьми с собой в горы сердце. Помнишь, у Бернса.

ВОВКА. Это здорово красиво: в горах мое сердце...

НИКИТА. В горах мое сердце...

ВОВКА. Ребята, слышите, в горах его сердце...

НИКИТА. Говорят, родина человека там, где его дом. Мой дом на Усачевке, а сердце мое в серых скалах. И нет у меня жизни без далеких таежных маршрутов, без дымных остров на

берегах стеклянных порожистых рек, без вечного поиска. А это здорово - искать клады не для себя - для всех! Всю жизнь - для всех! Сердце - всем!

ВОВКА. Пусть оно будет у меня в ЗИЛе...

ПЕТЬКА. У меня - в физике.

НИКОЛА. Мое - чуть выше: в космосе.

НИКИТА. Но обязательно всем.

ПЕТЬКА. Ребята, снова на год разъезжаемся. Айда погуляем?

НИКОЛА. Взвод, стройся!

ВОВКА. Мы даже не отделение. Никол, четверо нас...

НИКОЛА. Но каждый за десятерых.

НИКИТА. Убежден?

НИКОЛА. Точно.

ПЕТЬКА. Квантовая механика не знала таких примеров.

НИКОЛА. Шагом - арш!

/Ребята, запевая свою песенку, обнявшись, уходят./

Юлиан Семенов

г. Москва, ул. 1812 года, д. 7, кв. 39

Тел. Г 8-46-22

Выпуск. редактор Л. Палиевская

Тираж 100. Заказ 712

28/XI-1963 г.